

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 97.
ПОЛКА 3.
№ 56.

Куд.

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 97.

ПОЛКА 3.

№ 56.

ЛЮБОМУДРІЕ

ПРОТИВУ

МНИМЫХЪ СТРАХОВЪ СМЕРТИ.

изложенное бывшимъ Греческаго
двора министромъ Димитріемъ
Кидоніемъ,

А СЪ ЕАМИНОГРЕЧЕСКАГО ПРЕЛОЖЕННОЕ

ПРОТОІЕРЕЕМЪ

ІОАННОМЪ КРАСОВСКИМЪ
на Каменномъ Островѣ.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
печашано у І. К. Шнора, 1796 года.

Люди спрашашся смерши, какъ опроки боялся
шъмы, для того, что испужано ихъ мечпаніе при-
видѣніями сполькожъ пуспыми, сколько спраш-
ными.

Францискъ Баконъ,
въ разсужденіи о смерши.

Разлученія души съ тѣломъ, обыкновенно смертію называемаго, всѣ ужасающія, всѣ отвращающія и всѣ почишающія оное наиторшимъ всѣхъ злоключеній. — Но когда кто ихъ спрашиваетъ, чѣмъ они побуждаются къ такому оному смертн отвращенію: тогда они, кажущая нѣчто благовидное сказываютъ, и тѣмъ другихъ, кои такъ же какъ и они о смертн думаютъ, удобно увѣряютъ, по примѣру тѣхъ прусовъ, которые безъ трудности боязливыхъ могутъ уговорить ко отвращенію оныхъ сраженій съ непріятелемъ. Ибо весьма легко тѣхъ убѣдишь ко принятію такого разположенія, которые имѣютъ подобныя мысли и склонности, каковыя и оны ихъ совѣтниковъ приняты и внушаются ими. Но буде они сіе дѣло предложатъ суду мужественныхъ неспрашиваемого духа людей: то предъ ними ни чего основательнаго во утвержденіе своего мнѣнія сказать не могутъ, а только обнаружатъ болѣзнь души своей сражающей невѣжествомъ и расслабленіемъ, которое заставляетъ ихъ того бояться, чего не должно, и оны того шрепешать, что со всѣмъ безвредно.

Разсмотримъ же тѣ винословія, по ко-
 торымъ они смерть почишають зломъ
 изъ всѣхъ золъ величайшимъ. Мы изъ се-
 го рассмотримъ увидимъ, что какъ по
 слову Гомерову, все на шрое раздѣлено,
 шакъ три рода находящяся и шѣхъ людей,
 кошорые смерть наибольшимъ зломъ пори-
 цають. Первые изъ нихъ тѣ скорые на
 отвѣшъ, или лучше сказать, правдивые
 люди, кошорые не умѣя сокрышъ своихъ по-
 рочныхъ слабостей, жалующяся на смерть,
 яко на лишительницу всѣхъ своихъ удо-
 волствій и забавъ, а по шому и почи-
 тають они то несноснѣйшимъ и ужаснѣй-
 шимъ всѣхъ золъ, что отвемлешъ у нихъ
 оныя забавы и удовольствія. — Другіе же,
 кои сихъ поумнѣе и спыдящяся что либо
 безъ всякаго основанія дѣлашъ или допу-
 скашъ, предшавляють сіе умшвованіе, что
 всѣмъ отв природы врожденно желашъ про-
 долженія жизни и бышя своего. А пое-
 лику де смерть отвемлешъ сіе желаемое
 всѣми добро и изъ бышя въ небышіе при-
 водитъ наше сущешвованіе, наводя ему
 гибель, и шлѣніемъ обезобразивая всѣ
 нашего сложенія части шоль прекрасно
 ешешвомъ усшроенныя: шо кто де не
 будетъ шоликаго зла ужасашься? кто не
 станешъ онаго ненавидѣшъ? и кто при-

единомъ токмо напомнимъ его, не будемъ отвращаться отъ него, яко отъ враждебнаго нашему естеству непріятеля? да и не только нашему естеству враждебнаго, но и самому паче всего Богу прошивоборствующаго не токмо шѣмъ, что онъ единъ наслаждается всесовершеннымъ безсмертіемъ, но и шѣмъ, что его установленію сіе зло болѣе всѣхъ прошивудѣйствуетъ: ибо, что онъ продлитъ и въ бытіи сохранитъ спарается, шое смершь расшѣваетъ и истребляетъ. — Сіе - шо къ показанію справедливости своего отъ смерти отвращенія представляють умнѣйшіе первыхъ люди, яко единой слѣдующіе природѣ. — Но кромѣ сихъ находятся еще и шрестіи, копорые по видимому другихъ будучи набожнѣе и скромнѣе, и пошому желая нѣчто основательнѣйшее представить, уже не ради вышереченныхъ причинъ смершь почитаютъ величайшимъ зломъ, но ради шого, что заразъ де по смерти принуждены мы дашь отвѣтъ за всѣ учиненныя нами въ сей жизни дѣянія и приняшь иногда горешнѣйшія и люшнѣйшія чрезъ всю вѣчнось мученія, копорыхъ бы де мы неиспытали, ешли бы смершь съ шѣлами не разлучила и не переслала нашихъ

душѣ къ памощнимъ успановленіямъ и испязаніямъ. — Таковыми — по представленіями нѣкошорые какъ самихъ себя, такъ и своихъ слушапелей заспрацавши, и сами при воспоминаніи смерти пренещутъ, и другихъ въ семъ шрепетѣ своемъ соучасшвовашъ заспавляющъ. — Чего ради надлежишъ расмошрѣшъ, сходно ли съ истинною они говоряшъ, и доказываешъ ли шо прямую добродѣпель, чшо бы человекъ, въ пропчемъ за важнаго мужа себя выдающій, предавался шаковымъ рѣчамъ и мнѣніямъ?

Ошдѣленіе первое.

Чшо надлежишъ до первыхъ; шо какъ они весьма сласполобіемъ и роскошью изнѣжены, а слѣдовашельно и къ мужеспвеннымъ ополченіямъ не привычны; такъ по шому и намъ не шрудно будешъ ихъ къ здачѣ преклонитъ, невзирая на шо, чшо они многихъ имѣющъ споборниковъ и со многими на насъ насшупающъ. Ибо всѣ за одно съ Епікуромъ прошиву насъ воюющіе, почиашущъ крайнимъ верхомъ человекешкаго благососшоянія сладосшную, веселую и безболѣзненную жизнь, ушверждая, чшо между людьми весьма шрудно

найши и единого, копорый бы безъ всякаго услажденія чувствѣ жишь восхотѣлъ, развѣ бы де кто по спранному нѣкому безчувствію имѣлъ ошъ всеобщаго чело-вѣческаго добра ошвращеніе. — Но мы шаковымъ по всей справедливоспи можемъ сказаць: для чего вы мужи! еспли шолько симъ именемъ лзя назваць васъ споль изнѣженныхъ, споль разслабленныхъ и до крайности отрубѣвшихъ, для чего вы, говорю, чрезвычайно ребячески въ шомъ постунаете, что однѣмъ чувствѣннымъ удовольствіямъ предоспаваете судить о благѣ челошвеческомъ, и шо самое, что бы могло хошя и сѣ досаднымъ ошущеніемъ васъ пользоваць, зломъ порицаете, и всякимъ образомъ избѣжашъ онаго покушаешесь, хошя въ немъ ни чего досшойнаго порицанія не находите, кромѣ шого, что оно не ласкаетъ вашимъ чувствамъ? Инако бо, что прешашсшвуетъ шаковыми словами поносишь и врачей, копорые не иначе шѣлу помогають, какъ принуждая больныхъ непріятныя чувствувещи и ѣшь, и пишь, и осызашъ, и всякимъ образомъ упошребляшь? однакожъ мы не смошря на шо, что они симъ способомъ сѣ нами постуная, досадны бывають намъ, великія награды имъ пла-

шимъ, и какъ себя, такъ и ввѣренныхъ нашему попеченію, предъ всѣми признаемъ обязанными ихъ благодѣяніямъ. А если бы все надлежало намъ относить къ единому чувственному удовольствію: то въ такомъ случаѣ, какихъ бы людей справедливѣе, нежели сихъ, могли мы называть своими злодѣями? — Чшо же до меня, то думаю, что всѣ вещи добрыми или худыми надлежитъ почитать не по происходящей отъ нихъ чувственной досадѣ или удовольствію, а единственно по истинной полезности или вредительности ихъ. Ибо ежели мы все относить будемъ къ единому чувственному удовольствію: то великое зло причинитъ въ нашемъ плѣтѣ врачъ, а еще горшее въ нашей душѣ произведутъ законы, нравоправители, родители и всѣ вообще наилучшія и наиболее полезныя устройства. Понеже и всѣ сіи средства убѣждая насъ къ должности, тогда для непреклонныхъ къ ней дѣлаются весьма жестокими и досадными, когда наказываютъ по безчестіямъ, по темничнымъ заключеніямъ, по преданіямъ на продолжительныя страданія, изъ которыхъ по истинѣ ни едино бы насъ не пользовало, но паче вредило, если бы мы по всему къ единой нѣгѣ и бездѣльной праздности не-

премѣнно прилѣпишься долженствовали. Да въ такомъ случаѣ мы и волокишъ, и сводниковъ, и ласкашелей, и всѣхъ шѣхъ, которые какъ сами въ пошудныхъ дѣлахъ любяшъ упражняшся, такъ и другимъ чрезъ оныя доставляюшъ срамное удовольствіе, почтемъ наилучшими своими пріятелями, ежели по естѣ допустимъ, чшобъ всюду однѣ шокмо забавы площадскаго сладострасшія и роскоши, яко верховное человѣческое добро, господствовали.

По сему во первыхъ надлежишъ почиташъ признакомъ крайней глупости и вѣтренности плаканъ о лишеніи помянутыхъ чувственныхъ забавъ уподобляясь малымъ дѣшамъ, когда у нихъ приспавленные къ нимъ нравоправишели опнимаюшъ игральныя кошочки, или другія какія бездѣлушки. А по шомъ надобно еще и по изслѣдовать, какихъ шочно забавъ лишеніемъ смерть кажется намъ шoliko ужасна и опврашительна. Ибо когда и самыя забавы на три сорпа раздѣляюшся, и къ первому сорпу ихъ принадлежишъ едино, первѣйшее, божественнѣйшее, единому шолько человѣку сроднѣйшее и само по себѣ достожелательнѣйшее удовольствіе, каковое состоишъ во изысканіи истинны, въ просвѣщеніи ума и во спя-

жаніи другихъ подобныхъ симъ душев-
ныхъ благъ: но сего роду забавъ смерть
не только не испребляетъ и ни мало не
уменьшаетъ, но еще и никоимъ обра-
зомъ до того не допускаетъ, чтобъ мы
по изшествіи своемъ на тошъ свѣшъ
оними душевными благами или забавами
несравненно чище и безопаснѣе не насла-
ждалися. Правда, сіе можешъ бышь не-
вѣроятнѣе покажешся людямъ живущимъ
какъ ни случилось: но истинна сія всего
достоувѣрнѣе и несумвишельнѣе для шѣхъ,
которыя о вещахъ иначе не судяшъ и
не опредѣляютъ, развѣ по довольномъ ихъ
испытаніи и разсмотрѣніи. Однакожъ и
сами мы сію истинну всевозможно защи-
пимъ посшараемся, когда послѣ обратимъ
къ ней нашимъ разсужденіемъ. А те-
перь едино только сіе остается намъ ска-
зашъ, что умирающіе лишаются единыхъ
токмо шѣлесныхъ забавъ, хотя то и ме-
жду сими великая находится разница. Ибо
нѣкоторыя изъ нихъ суть и дѣйствія при-
роды, и онѣ Бога позволены, поелику онѣ
посредствомъ ихъ благоволишъ или каждую
особенную вещь въ бышій сохраняшъ, или
общественнымъ множествамъ и соршамъ
особенныхъ вещей давашъ непресѣчное су-
ществованія ихъ на свѣшъ продолженіе,

всегда о помѣ промышляя и спараяся, что бы во взаимномъ преемствѣ шо насна-
ющихъ, шо кончающихся шварей своихъ воз-
спавовленіемъ однѣхъ, на мѣсто другихъ до-
спавишь родамъ и соршамъ ихъ неумира-
ющее пребываніе : по шому что оныя еди-
ноособныя вещи яко сложенныя, инако бы
ни какъ не могли долговременно продол-
жашь бышя своего. — А шаковыя ошѣ
Бога позволенныя забавы сушь оныя дѣй-
ствія природы, кошорыя рожденію способ-
ствуюшѣ и къ дѣшопшворенію живошныхъ
привлекаюшѣ своими приманками ; другія
же поощряя позывѣ на пицу, побуждаюшѣ
шѣхъ ко пріяшю оныя, кошорыя могушѣ
ею кормишься, и шакимъ образомъ повсе-
дневно убывающее въ шѣлѣ дополняюшѣ
и жизнь его, доколѣ возможно, продол-
жашѣ. Ибо ни кшо бы, какъ ко прія-
шю пици, шакъ и къ дѣшопшворенію не
приступилѣ, ешшли бы сей присшупѣ
сопряженѣ былѣ съ досадою и неудоволь-
ствіемъ. Да кромѣ шого и врожденное
подшрѣканіе внушренно понуждающее и
движушее къ сему природу шѣла, не позво-
ляшѣ уклоняшься ошѣ ея теченія. — И
сіи - шо сушь оныя невинныя забавы, о
кошорыхъ я сказалѣ, что онѣ будучи и
Божіими и ешшесшвенными законами ушпа-

новлены, ни какого порицанія не заслуживающъ, шолько бы онъ всегда соглашаемы были со здравымъ разумомъ, а не безчинствововали бы сбрасывая съ себя узду его, и самага всадника спремглавъ повергая въ подлое состояніе скопской природы и обычаевъ.

Кромѣ сего находишся въ насъ еще и иный шрешій родъ забавъ, кошорый не опъ Бога, ниже опъ ешества, но какъ бы самородно въ насъ завелся и самодвижимо выросъ на подобіе баснословныхъ исполиновъ произшедшихъ изъ посѣянныхъ змѣиныхъ зубовъ. Однакожъ при шомъ сей родъ забавъ и собственнымъ нашимъ невѣжествомъ, глупосшію и небреженіемъ воздѣльвается, когда мы дары и силы природы не іпакъ, какъ должно, упошребляемъ. Сей родъ забавъ когда низложивши разумъ, начнешъ надъ чловѣкомъ владычествовать, и все Божественное и любомудрое изъ ума его изгнавши, займетъ вышнія способности и силы души его: тогда онъ аки жестокій и неумолимый мучитель, какъ самага чловѣка, шакъ и все въ немъ и при немъ находящееся наполняетъ разсѣянія, мятежа и распройсшва, и неперпишъ, чшо бы обладаемый имъ болѣе былъ чловѣкомъ,

но что бы во многовиднаго и чудовищнаго нѣкоего звѣря превратился, дабы симъ показашь, что пошѣ ни Богу, ни людямъ, ни самому себѣ уже непошребенъ есть, кѣно единожды плѣненъ спавши прелестями сладоспрасныхъ забавъ, продаетъ имъ свою свободу и на всю жизнь подлымъ рабомъ и невольникомъ ихъ бышь обязуешя.

Въ разсужденіи чего по суду здравомыслящихъ людей, изъ всѣхъ шѣлесныхъ забавъ преждереченныя шокмо почишающя и называющя нужными, а особливо оныя, кошорыя соспошъ во упошребленіи пици, пипія и всего шого, что шѣло кормитъ и безъ чего не можетъ оно цѣло бышь въ соспавѣ своемъ. При шомъ же кѣ симъ нужнымъ забавамъ нѣкошорыя присовокупающъ и соспоюще въ смѣшеніи обоихъ половъ удовольшвіе, яко служащее сохраненію человѣческаго рода, и яко необходимое кѣ шому средшво, чтошбъ человѣческое ешество всегда одинакимъ существовало на семъ свѣшѣ образомъ. Ибо они полагающъ, что помянутое смѣшеніе шуже де самую пользу приноситъ цѣлосши рода человѣческаго, какую и упошребленіе пици и пипія доспавляетъ цѣлосши каждаго человѣка. Но

что касается до прочихъ сладострасшныхъ забавъ и чувственныхъ услаждений, то о сихъ уже судяшь они яко о безчестныхъ, нечистыхъ и однимъ скошамъ, а не людямъ свойственныхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, не ошъ всѣхъ ли называюшся таковыя забавы гнусными и безчестными, въ копорыхъ обличенные по законамъ наказываюшся, и ошъ копорыхъ побѣждаемые, всегда опровождаюшся безславіемъ и всякими порицаніями? — И такъ, для коихъ забавъ лишенія почишаюшъ смерть шягчайшимъ всѣхъ съ людьми бывающихъ несчастій зоключеніемъ? Не уже ли ради лишенія сихъ послѣднихъ забавъ по справедливости смерть будемъ такъ порицать? да за что же такъ порицать, когда смерть ошъ поликой порчи жизньъ человѣческую освобождаетъ, естество разумнаго существа его спомоществуетъ и оному подобіемъ несмысленныхъ скоповъ здѣсь обижаему бытъ болѣе непозволяетъ? Что бо гнуснѣе и скопоподобнѣе челоѣка предаватися однѣмъ забавамъ роскоши и сладострасшія, а при шомъ вовсе позабывшаго думать о досшохвальныхъ и всего драгоцѣннѣйшихъ предмѣтахъ? по истиннѣ, такой челоѣкъ не заслуживаетъ и имени челоѣка, но естъ чудовищное жи-

вошное похощее на шѣхъ, каковые въ басняхъ описываются и шолько извѣдъ предспавляютъ человѣческое лицеподобіе. Ибо почему справедливо шого называшъ будемъ человѣкомъ, кошорый единственнo о шомъ забошится, что бы шолько угодное прикошамъ своимъ ѣсть и пишь, а о шомъ вовсе не печешся, что бы заняшь размышленіемъ и познаніемъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и нужнѣйшихъ вещей? Кажешся, шакový человѣкъ справедливѣе не можешъ бытъ соравненъ, какъ со свиньями, кошорыхъ мы обильнымъ кормомъ упущая, на послѣдокъ убиваемъ. Да и самыя свиньи полезнѣйшими должны бытъ почишаемы, нежели шакіе люди. Ибо часто мы свиною шущею пользуемся, а ошъ человѣка пищею роскоши обременяющаго шѣло свое, нѣшъ ни малѣйшя пользы, кромѣ шого, что ешли бы кшо желая другихъ сласшoлюбивые нравы поправишь, предспавилъ его въ примѣрѣ и показалъ въ немъ гнусность роскоши, по подобію Лакедемонянъ, о кошорыхъ сказываютъ, что они желая дѣшамъ своимъ внушишь извѣстнo презвостши, предспавляли имъ мерзость пѣнства въ своихъ невольникахъ, Илошами называемыхъ. — Но что еще сказашъ о шцестѣ и суешности шѣхъ не-

исчестныхъ трудовъ, кошорыми такой человекъ по всякой день занимаешься принужденъ для наливанія диравой бочки своей, по примѣру Данаевыхъ дочерей, осужденныхъ на таковыя щещныя труды за одно, какъ басни повѣствуютъ, прошиву мужей своихъ учиненное злодѣяніе! — И шакъ еще ли смерть будемъ за то винить, что она прожору ошсюду уносишь, и здѣшнюю жизнь ошъ шoliko непошребнаго бремени освобождаетъ, о кошоромъ, доколѣ еще онъ и живымъ казался, справедливѣе бы можно говорить, что онъ давно уже умеръ? Потому что онъ ни коимъ образомъ недвижимъ былъ къ разумной, по есть человекъ свойственной жизни, и по причинѣ непрерывнаго пѣянства ко всему благому былъ безчувственъ. — Сего ради, ежели за что другое, по за сіе наипаче должно смерть называть благодѣшельницею, что она изъ среды живыхъ ишпреляешъ шѣхъ, кошорымъ бы вовсе и родиться не подобало. Да я думаю, что и сами таковыя люди, ежели бы проспались и ишпрезвились, не спали бы на смерть жаловаться, и непочли бы себя шѣмъ ошъ нея обидимыми, что она болѣе не отпускаешъ имъ въ шolikoмъ любосшрасшныхъ сквернѣ блашѣ валяшся.

Что же сказать о пропчихъ ошъ сластолюбія и роскоши аки ошъ мащери своей раждающихся порокахъ, (поелику она ко всѣмъ почти безпунисшвамъ ошкрываетъ пушь) или о шомъ мерзкомъ развращеніи, по кошорому люди перескакивая положенные намъ ошъ ещества предѣлы, попадающъ въ стремнину сквернѣйшихъ забавъ сладоспращія, о кошорыхъ думаю, и едино напоминаніе здраво мыслящихъ людей краснѣшь заспавляетъ? — Такъ не уже ли мы и на шо будемъ досадовать, что прелюбодѣи не безсмерщенъ? не уже ли за одно съ дѣшорасплишемъ желашъ спанемъ, что бы заразившая его мерзкая спращъ въ безконечность продолжалася? не уже ли и шого пожелаемъ, что бы вѣчно во своей силѣ ошавались коварные на чужое владѣніе подвски, шяжбы, зависши и воспріемлемыя ради многоразличныхъ неправедныхъ прибышковъ брани и войны? (ибо извѣсно, что и прибышковъ люди ищущъ ради удовлешворенія своихъ вождѣлений и роскошей). По сему, не уже ли будемъ думать, что въ сей жизни нѣшъ намъ иной пользы, кромѣ шого, чтообъ мы безпрешанно великія зла или другимъ наносили, или сами ошъ другихъ сносили, и всѣ наши способности и силы во власшь многообразнаго развращенія и

распушсшва предавали? но сіе самое не поже ли значшв, что дурному человѣку отдавашь достоинство знаменишаго вельможи, а добраго и честнаго мужа наказывашь ссылкой и безчестіемв? — Чего ради, или откровенно и безв всякаго колебанія провозгласшв должно, что роскошь и сладоспрасніе есшв подлинное и почное человѣческое благо, а добродѣшель мудросшв и просвѣщеніе по единому шолько своему имени и мнимой благовидности добромв называешь; и тогда уже смерти надлежшв приписашь сей порокв, что она прекраснѣйшія и наидразжайшія блага похищашь у насв: или, буде вв томв мы убѣждены, что нѣкошорые изв чувственныхв забавв почно губельны для души и благу общежитія человѣческаго прошивны, а нѣкошорыя шакв же сами по себѣ могутв бышв вредительны, ежели не будутв умѣряемы правиломв здраваго разума: шо конечно и смерть незаслуживашь шакго порицанія что мы должны ненавидѣшв и отшвращашь ея, яко вещи вредоносной и пагубной. Ни какв! обв ней еще и шакія мысли имѣшв намв должно, что люди отшв нее получающшв нѣкошорую выгоду, когда она не шолько для шѣхв бывашь благошворна, кошорые безпорочно жизнь свою

препроводили въ добродѣтели, но еще и въ разсужденіи самыхъ развращенныхъ шакое заключаешъ въ себѣ добро, что шѣхъ изъ нихъ, кошорые здѣсь ни какимъ способомъ исправлены бытъ немогутъ, подвергаешъ заслуженнымъ казнямъ. Чѣмъ она по премногу служишъ великому свѣша сего Правителю и Содѣтелю, кошорый по своему правосудію всегда казнишъ человѣческое развращеніе, и не попускаешъ, чтообъ премудро опъ него успроенный міръ, въ неуспройсшвъ и безпорядкъ продолжалъ быше свое, но по безпредѣльной благосши своей, даже и самую нашу развращенность посредствомъ наказаній приводишъ въ должный порядокъ по примѣру врача, кошорый сѣченіями и прижиганіями не даешъ по всему шѣлу разливашъ дурнымъ влажностямъ. Почему и смерть за то винишъ, что она болѣе непускаешъ злу въ міръ семъ нагло разпространяшъ, точно шогже человѣка дѣло есть, кошорый и самое правосудіе порицаешъ.

Въ прочемъ, ежели раболѣпшвующіе прихошямъ сладострасшія и безъ сего рабства почищающіе сію жизнь досадною, предшавленныхъ шеперь опъ насъ винословіи не одобряшъ, пачеже все шо поч-

штушъ за худое, что имъ и спрашьямъ ихъ удовольствія не обѣщаетъ: то ни шаковый сихъ людей судъ самаго существа внушаемой мною истинны неповредишь. Ниже бо мы предприяли согласіемъ своимъ поддерживашъ лестное ихъ мнѣніе; а только предлежишь намъ теперь самую сущую правду, какова она сама въ себѣ есть, разсмапривашъ. Ибо кто изъ благомыслящихъ будетъ неправое мнѣніе виноватыхъ подкрѣплять, а не паче прошиву ихъ приговоромъ своимъ подшверждашь то наказание, которое они ошъ правосудія заслужили? а сего то для насъ и довольно, дабы о семъ дѣлѣ провозглашенъ былъ праведный судъ. Почему и недолжны мы шакъ какъ въ судилищѣ, преклоняшь къ жалоспнымъ воплямъ роскошныхъ сласполюбцевъ, которые плошоугодныя свои спраши и чувспвенныя сласпи, аки женѣ и дѣшей своихъ на среду предъ судьей выведши, покорнѣйше просяшь ихъ, сжался надъ ними, превратишь судъ и правду. Но доколѣ они невозмогушъ доказашъ, что или преждереченныя плошоугодныя забавы и чувспвенныя удовольствія суть истинное добро, или то, что ошъ дурныхъ присшраспій и дѣлѣ воспящаетъ, есть сущее зло: дошолѣ и мы непоколебимо

держаться должны преждереченныхъ предложений, копорыми показано, что возлюбившимъ шаковую роскошную и плошугодную жизнь, лучше умереть, нежели жить.

Но ежели кто либо смерть за шо оуждаеть, что она даже и шѣ самыя забавы въ конецъ ишребляетъ, копорыя ошносяся къ дѣшшворенію и сами по себѣ безпорочны и невинны суть: шо я въ шомъ и самъ соглашаюсь, что сихъ забавъ прашо оуждаеть не надобно. Ибо онѣ и ошѣ самага Создателя въ нашу природу всажденны, и посредшвомъ ихъ человѣческой родъ непресѣкается во своемъ на свѣшѣ сущешвованіи. По чему, кто сіи забавы упошребляетъ воздержательшо и умѣреншо, шомъ ни когда ни ошѣ кого незаслуживалъ порицанія, а колыми паче не бывалъ объявленъ за ихъ продержосшь достшойнымъ преданія на смерть, аки въ руки нѣкогого палача. — Со всѣмъ шѣмъ, хошя я и не смѣю сказашь, что шаковымъ людамъ смерть пошому ешь хороша, что они во упошребленіи помянутыхъ забавъ ни чего шакого не дѣлають; за что бы по справедливосши смершю были наказуемы, дабы чрезъ шо лучшими содѣлались: однакожъ безъ всякаго сомнѣнія

ушверждаю, что смерть и чрезъ по ни малаго вреда и ущербъ непричиняешь имъ, когда ихъ кончиною опшемлешь прежде-реченныя позволенныя забавы. Ибо сии лю- дямъ, не шакъ какъ собспвенное ихъ добро, ниже ради ихъ самихъ на то опъ еспесшва даны, чшобъ сами они взаимно между собою наслаждалися ими, но всѣяны они въ родителей ради произведенія имѣющихъ опъ нихъ родиться дѣшей, дабы шѣмъ удобнѣе и охонѣе преемспву и непре- рывному опъ единого къ другому продол- жению родовъ своихъ люди содѣйствовали: поелику услаждение врожденное помяну- тымъ забавамъ, наводитъ забвеніе шѣхъ трудностей и досадъ, копорыя опровожд- ають дѣшопвореніе. Что самое видимъ и у врачей, когда они для приманки больныхъ къ торкимъ лѣкаршвамъ примѣшиваютъ нѣкопорыя сласши, дабы опвѣдавши сихъ, удобнѣе больные приняли цѣльбонос- ныя ихъ врачевства, Да шожъ примѣчаемъ и въ опправляющихъ тяжелыя работы, когда они сими будучи удручаемы, поють пѣсни и думаютъ симъ пѣніемъ облегчить свое бремя. — Почему, ежели помянушый родъ забавъ позволенъ людямъ не ради ихъ самихъ, но ради произведенія другихъ, и при шомъ на извѣшное шокмо время: шо

отсюду и явствуетъ, что люди по прешашіи сея назначенныя имъ службы, ни какого ущербу не приемлютъ, но оспашюшя при неопшемлемомъ собственносшей своихъ владѣніи, шакъ какъ нельзя того сказать и о помянутыхъ рабочихъ людяхъ, что они шогда чего либо лишашюся, когда вмѣстѣ и шяжешъ нести, и пѣсни пѣшъ перешашютъ. А по сему справедливѣ бы поступили люди, когда бы за то смершъ благодарили, что она имъ ради другихъ до усталосши шрудилъся при единой шокмо личинѣ забавѣ болѣе уже не позволяешъ, но оспановляя услаждающую прелешъ ихъ, обращаешъ людей къ самимъ себѣ. — Сходственнo сѣ симъ мнѣніемъ, по сказанію древнихъ, и шпихошворецъ Софоклъ опшвѣчалъ Аѣинскому вишій Кефалу. Ибо, когда де сей, аки бы о чемъ либо важномъ желая опъ Софокла навѣдашъся, спросилъ его: можешъ ли онъ вѣ шеперешной спаросши своей сѣ женщиною имѣшъ соишіе: шогда де Софоклъ во опшвѣшъ ему сказалъ: перешанъ пожалуй добрый человекъ! шакія со мною заводилъ рѣчи; ибо я опъ сихъ нахальныхъ и грубыхъ госпожъ уже давно ибѣжалъ. — Каковымъ названіемъ означилъ онъ прешдерешенныя забавы, кошорыми человекшкій родъ бу-

дучи улещенъ, радъ у нихъ какъ у навязчивыхъ госпожъ навсегда оставапсья.

И шакъ, что надлежитъ до шѣхъ, копорые ради лишенія шѣлесныхъ забавъ, какого бы они роду ни были, ужасающя смерши, почиая онюю крайнимъ челоѣчскимъ зломъ по тому, что она ошъ здѣшнихъ суешныхъ игрушекъ, или паче, ошъ здѣшняго сумазбродства и мерзоспей ихъ ошдаляетъ: шо сїи довольно, думаю, предспавленными шеперь доводами убѣждены въ шомъ, что бы ошвергши ребяческіе о семъ предмѣтѣ мысли и предразсудки, приняли вмѣсто ихъ здоровое, основашелное и мужеспвенное мнѣніе, а на судьбу смерши за шѣлесныя забавы и чувспвенныя услажденія не огорчались.

Ошдѣленіе второе.

Но что касается до шѣхъ, копорые по причинѣ всеобщаго желанія продолжатъ бышіе свое, и по убѣжденію врожденнаго всѣмъ прїспраспія къ жизни, спрашашся смерши, яко лишительницы всего, что мы имѣемъ у себя самаго лучшаго и дражайшаго; поелику де видимъ, что и самое ешество крайне за-

бопитися о сохраненіи жизни даже и въ подлѣйшихъ челоуѣка живошныхъ: по шаковымъ людамъ на первый случай сіе шеперь опѣвшеспвоуашъ можемъ, что о шаковыхъ предметахъ должно судишь не взирая на свои прихоши и ихъ обманчивую прелесшь, но о подлинныхъ нашихъ благахъ разсуждашь и заключашь надлежишь изъ Божескаго и еспешспвеннаго блага и устава, почитая шю едино за испинно намъ полезное и доброе, что оному согласуешъ, а шю за вредное и худое, что оному прошивоборспвуешъ. И сіе мнѣніе по всему достойно еспь нашего приапія: ибо оно шочно еспь мнѣніе шѣхъ благомыслящихъ мужей, кошорые умѣюшъ все шуда ошносишь, куда что слѣдуешъ.

Предположивъ сіе, предспавимъ себѣ, что еспли бы мы челоуѣки или безъ души здѣсь жили, и не что бы другое были, какъ едино шокмо шѣло, и слѣдовашельно по разрушеніи его, ни какъ бы не могли бышь шожже самое, чѣмъ прежде сущеспвоуавали, а по шому и ни какой бы уже намъ вовсе надежды или способу болѣе бышь не оспавалося; или, ежелибышмѣя и кромѣ шѣла способспвуюющую къ жизни душу, получили оную опѣ Творца ни безсперш-

ную, ниже могущую пребывать собственною силою, а только такую, каковая бы безъ шѣла жить не могла, но съ его испребленіемъ вмѣстѣ и сама бы пропадала: то подлинно была бы намъ причина бояться смерти, поелику въ такомъ случаѣ все наше естество находилось бы при всегдашнемъ страхѣ изъ бытія, аки изъ нѣкопорого корабля вынасъ во глубину невозвратной гибели и на вѣки погрузишься въ бездну ничтожества. — Но кто о томъ сомнѣвался будетъ, что мы кромѣ шѣла имѣемъ душу и душу гораздо превосходнѣйшую души несмысленныхъ животныхъ, душу управляемую разумомъ, помощію копорого можетъ она повелѣвать шѣлу и по своему произволу располагать его движеніями, а при томъ душу бессмертную, чуждую гибели, способную навсегда существовать и пребывать собственною силою, и при испребленіи шѣла не могущую ни малѣйшаго существу своему принести вреда и ущерба? — Почему, когда таково есть нашей души естество, то не крайняго ли безумія знакъ мучишь себя страхомъ, чтобъ душа иногда вмѣстѣ съ шѣломъ не погибла, и слѣдовательно чтобъ бессмертное нѣкогда не умерло и не разрушимое когда нибудь не спало

ничемъ? — А что все сіе сказуемое о душѣ справедливо, то есть, что наша душа по существу своему есть вѣчнаго и пребывающаго естества, и что по ней единой человекъ изъ всѣхъ въ мірѣ живущихъ есть величественнѣйшее и продолженіемъ бытія своего превосходянѣйшее животное: то обо всемъ томъ удобно удостоверимся, ежели ко изслѣдованію сего предмета присоединимъ нѣсколько доказательствъ.

Всѣ мы за несомнительное полагаемъ, что человекъ есть животное, которое существуетъ и живетъ. Но того, что живетъ, несомнительный знакъ есть сей, чтобъ не бывъ отъ постороннихъ вещей извнѣ прогаему или понуждаему, самъ мѣста на мѣсто переходить, но внутрь себя имѣть движимость и самимъ собою двигаться ко всему тому, къ чему бы оно прійти ни спремилось. Ибо у всѣхъ людей не иныя существа живущими или живыми называющіяся, развѣ которыхъ какимъ образомъ движущіяся. А самъ способъ не отъ чего другаго и шло наше движется, какъ только отъ живущей въ немъ души. Всѣ бо движущіяся и живущія движущіяся и живущія отъ присущія пребывающей

въ нихъ души. Да и самое осязаніе, и зрѣніе, и слышаніе явственнѣе доказываютъ существованіе или бытіе живошняго. По-неже всѣ такъ опредѣляютъ живошняго, что оно есть существо одаренное чувствомъ, которое чѣмъ совершеннѣйшее, и чѣмъ у какого живошняго лучше и исправнѣйшее во своей дѣятельности, тѣмъ и самое оное живошняго въ сравненіи съ другими живошными почиается ихъ превосходящимъ и совершеннѣйшимъ. — А человекъ снабдивъ всѣми чувствами и все то чрезъ оныя понимаетъ, на что усмотрено чувство, такъ что онъ въ разсужденіи чувствъ ни единому живошному неуступаетъ, но еще тѣмъ и всѣхъ превосходитъ, что ему единому естество даровало въ вождя и правителя чувствъ разумъ. Оно неоспавило человека при единыхъ чувствахъ, что бы ихъ только спремленіемъ и произволомъ былъ онъ водимъ, но еще украсило его и изяществомъ разума, поставивъ оный надъ его жизнію аки нѣкоего пастыря и учителя, и онымъ, аки первѣйшимъ рода его опличіемъ, опмѣнило его ошъ всѣхъ прочихъ въ свѣтѣ сопребывающихъ ему живошныхъ. Симъ только разумомъ человекъ единъ изъ всѣхъ живошныхъ признаетъ и почиаетъ Бога,

спроишъ ему храмы, приносишъ жершвы и обшны, и ошъ него просишъ благъ какъ себъ, шакъ и другимъ. Симъ разумомъ руководшвuemъ, единъ онъ изъ всъхъ сущихъ на земли, знаешъ испиину, оную всевозможно изыскиваешъ и въ швореніи добродшпели упражняешся. При помощи сего разума учредилъ онъ законы, завелъ общежительшва, опредшлилъ добрымъ дшламъ награды, а злымъ извшспшную мшру наказанія. Силою сего разума изобршлв онъ художешва не только къ необходимости, но и къ пріяшной великолшпности и благовидности служащія, и ввелъ оня въ общешвенную пользу и упошребленіе, взирая во всемъ на шощъ божешвенный чершежъ или образецъ, по кошорому и самъ онъ усшроенъ, и съ кошорымъ всъ свои произведенія ншкакo соглашаешъ. Изъ сихъ произведеній его ниедино прочимъ живошнымъ неешпешвенно, по елику оня чужды и самага разума или смысла, коимъ только однимъ все сіе и изобршшается, и выдшлываешся, и къ пользш упошребляющихъ оня принаравливаешся. Прочія живошныя смотряшъ шолько на едину необходимость, какой шо ешъ кормъ пошребенъ имъ, и чшо надобно для произведенія подобныхъ себъ; а далше сего ни о чемъ

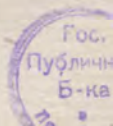
другомъ не заботятся; въ разсужденіи каковаго беззаботнаго соспоянія своего не имбюшъ они ни какого попеченія и о помянутой благолѣпности и великолѣпности, аки бы не смѣя преспуишь положенныхъ имъ ошъ естества предѣловъ. Посему-то у каждаго изъ нихъ въ каждомъ родѣ ихъ видимъ шѣже, что и у прочихъ однородныхъ имъ виды обшпалищъ ихъ, шакіе же способы и обряды ихъ пишанія, шакія же извадки сна, шакія же заботы о своихъ порожденіяхъ, и шакія же уловки и ухвапки ко избѣжанію или ошвращенію ошъ себя опасностей. Ибо всѣхъ шаковыхъ дѣяній одинаковый всѣмъ онымъ живошпнымъ ошъ естества положенъ законъ, кошпорого преспуишь не лъзя имъ яко обузданнымъ единою своею природою и имбющею одиъ чувшпа жизнью. А человѣку разумъ и смыслъ не позволилъ жить запушану шаковыми паушинами, но прервавши оныя далъ ему жизнь свободную; поелику не шокмо ошъ всякаго порабошпшельнаго владычешсва освободилъ его; но даже и всякую убѣждающую къ непремѣнному извѣшпныхъ дѣлъ произвожденію принушденность ошдалилъ ошъ него. Ибо не ограничилъ его шакими шѣсными, какъ другихъ живошпныхъ предѣлами, ниже до

шого только допустилъ его, чѣмъ онъ едину цѣлоснѣ и безопасноснѣ бышїа своего наблюдалъ, но чѣмъ бѣ еще и о лучшемъ благососпоянїи жизни своей паче всего промышлялъ. Онъ чѣмъ и происходивъ, чѣмъ человекъ, не шокмо для ошвращенїа онъ себя ненаснѣя и жару спрочинивъ дома и дѣлаешъ оныя не по одному изъ вѣснному образцу, ниже слѣпляетъ изъ одинаковаго вещества, какъ шо свойственнo недоспашочеству другихъ живошныхъ; но безчисленныя выдумываетъ для сооруженїа оныхъ чершежи, и неисчепно различными созидаетъ, способами. Ибо и употребляемое къ спроченїю вещество не изъ ближайшихъ только мѣснѣ собираешъ, но иногда и находящїеся въ ошдаленности камни высѣкаетъ, и Фессалїйскимъ мраморомъ и порфиромъ спѣны одѣваетъ, и цвѣтами луговъ расписываетъ оныя, и самый полъ и сѣдалища многообразною испещряетъ позолопою, не разсуждая обѣ единой только необходимоснѣи и нуждѣ, а паче уважая великолѣпноснѣ и драгоцѣноснѣ убранныхъ. Да шожѣ самое зашѣваетъ онъ и въ разсужденїи одѣянїа, когда не прошиву единыхъ только годовыхъ перемѣнъ воздуха платьемъ себя защищаетъ; ибо сіѣ не великой бы

споило заботы, когда естество надобнось сію и шакъ даромъ другимъ живописнымъ доставляеть: но разумъ человѣческій выдумалъ премногія и въ платьѣ разнообразныя благолѣпности. Ибо для сего онъ и многоразличность вещества изыскалъ, и разновидность цвѣтовъ изобрѣлъ и золотыя парчи выдѣлалъ, и узорочныя всякихъ живописныхъ и прозябеній виды на нихъ изобразилъ, и по различію рода, пола, достопинства и возраста, каждому человѣку приличное одѣяніе придумалъ. Таковую же благолѣпность видѣнь можно и на поселяхъ, и на обуви, и на посудѣ, и на иныхъ въ сей жизни употребляемыхъ людьми збруяхъ и приборахъ. Припомъ и сіе замѣчательно, что человѣкъ ни въ единой и изъ своихъ собспвенностей нелюбиль точно съ другими сходспвованъ, но во всемъ нѣкошорую излишнюю онъ нихъ разнообразность и благовидность вымышляетъ. Что все отнюдъ несродно естеству прочихъ живописныхъ, кошорыя и малое нѣчто для себя дѣлають, и немногимъ довольспвуются, научившися онъ природы единообразному жизни своей содержанію.

Но можешъ кпо либо сказаць, что веѣ помянутыя человѣческія изобрѣшенія

пакъ же и нѣчто необходимо нужное въ себѣ заключающъ. Ибо желающимъ сохранить свою жизнь нужно имѣть и пищу, и домъ, и одежду, о которыхъ де пещися самое еспешство и нѣкоторымъ живошнымъ внушило, хощя по людямъ отъ еспешства же предоспавлено множайшія и лучшія выгоды наблюдать въ спянжаніи и владѣніи оныхъ вещей. — Нокакою жишейскою необходимостію внушено челоуѣку любомудріе и охота къ приобрѣщенію вышшихъ свѣденій и наукъ? Какая нужда ему для свѣсныхъ припасовъ знашь ариемешку, логину и геометрію? да и чего бы изъ необходимо надобныхъ къ содержанию жизни его вещей недоспавало, еспли бы онъ неупражнялся, на примѣръ, ни въ риторикѣ, ни въ діалектикѣ? или что бы ему помогло ко отвращенію отъ себя спужи или зноя краснорѣчіе? по испиннѣ ничего! слѣдовашелно, когда все сіе отъ людей изобрѣшено уже послѣ необходимо нужныхъ къ содержанию ихъ жизни попребностей: по ошсюду и ошкрываешся весьма ясно, что челоуѣческія способности и расположенія не ко удовлетворенію только тѣлесныхъ нуждъ или прихотей, но къ чему нибудь дальнѣйшему, изыщнѣйшему и вѣщшему просширающся.

А что болѣе всего доказываетъ превосходство человѣческой природы надъ прочими живошными; то сіе есть попечительный о нижшихъ промыслѣхъ и предпочтительное пользы сродныхъ себѣ уваженіе. Ибо для другихъ живошныхъ довольно, буде онѣ не голодны, не холодны и не безсильны къ произведенію подобныхъ себѣ; но о дальнѣйшемъ благосостояніи сродныхъ своихъ ни малѣйшей онѣ заботы и попеченія не имѣютъ. Ниже бо найдешь гдѣ либо домашное или гражданское общежительство львовъ, или слоновъ, или иныхъ живошныхъ; а только однихъ людей дѣло есть учрежденіе между собою тѣхъ обществъ, въ коихъ они изобрѣшенія своей мудрости и взаимныя другъ другу услуги и вспомошествованія соединяютъ такъ, что одни другими управляя повелѣваютъ, а другіе власши и приказамъ ихъ покорствуютъ: и отъ подчиненныхъ почести и дары начальствующимъ приносясь въ возмездіе ихъ добродѣтели и попеченія о благѣ нижшихъ, а отъ начальствующихъ тѣмъ, коихъ имъ послушны, сообщается всевозможное попеченіе и непрерывный о благосостояніи подручныхъ своихъ промыслѣхъ, коихъ иногда и до такой степени простирается, что добро-

дѣшительный и справедливый начальникъ собственною опасностію жертвуетъ цѣлости и благополучію своихъ подчиненныхъ. Да и дѣйствительно многіе ради защиты своего опечесства положили свой живоушъ, каковы на примѣрѣ были Кодрѣ, Леонидѣ, Епаминондѣ и другіе премногіе. Но сія добродѣтель и сіи дѣянія со всѣмъ далеки отъ природы несмысленныхъ живоушныхъ. Ибо между ими едва можно замѣшшъ, копорыя бы и самихъ себя или своихъ дѣшей съ шолыкимъ благоразуміемъ и мужесствомъ защищали. Единымъ человекамъ сродно споль искусно промышляшъ о благосшояніи меншихъ себя, и сей промыслъ не что иное ешъ, какъ даръ человекскаго разума. — Какой же явсшвеннѣйшій и досшвѣрнѣйшій сего опышъ можно предсшавшъ къ доказанію человекскаго совершенсшва, а скошскаго недосшашочесства? Несмысленныя живоушныя шолько единымъ о самихъ еебѣ спараніемъ довшсшвуются, а у людей совершенсшво разума просшираешся и къ многообразному о другихъ попеченію и различныя недосшашки и нужды ихъ дополняешъ. И сіе особливо изъ шого примѣшшъ можно, что иногда единъ человекъ не шолько многія сшпада безсловесныхъ живоушныхъ во влас-

ши своей имѣешь, но и надъ многими городами, надъ многими племенами и надъ многими спранами подобныхъ себѣ людей господствуешь. А нѣкошорые даже и всюю вселенною овладѣли, предспавивши въ себѣ нѣкошорый видъ и образецъ Божескаго надъ всѣми владычествва. Но, что всего удивительнѣе, единъ человекъ спараяся и надъ безсловесными живошными, и надъ подобными себѣ человеквами господствовать, самъ не шерпишь сего надъ собою ига, но лучше все прочее перенесиши, нежели другому бышь рабомъ соглашаешся, опкрывая симъ явспвенно, что природа его съ самаго первобышнѣя къ свободности успроена и нешерпишь неволи.

Толико - то на все оборошна и во всемъ свободна человекшеская душа, что иногда сѣе, а иногда оное дѣлашь предприемлеть, и иное шакимъ, а другое прошивнымъ образомъ, какъ то ешь самой ей разсудишся, производить. А сѣе все ошъ преизбышочесшва дѣшпельной силы разума происходишь, по кошорому человекъ можешь все, что хочешь, дѣлашь и выдумывать, даже и разнообразное и прошивное своему прежшему предположенію. Но природа живошныхъ, будучи недосшашочна

и скудна, ограничивается только единымъ нѣкимъ предѣломъ и подверженныхъ закону ея дѣлаешь работными человекъ, поелику заключена въ самую узкую шѣснопу.

Кромѣ сего человекъ еще съ самаго первобытнѣя, къ господствованію шакъ ошѣ Бога успроенъ, чшо нешолько прочими владѣшь хочешъ, но и надѣ самимъ собою сіе владычештво оказываешъ, когда наипаче досшоинештво своей природы, ея силы и дарованія соблюсти спараешся. По сему-шо мы шѣхъ людей здравомыслящими и благоразумными почишаемъ, копорые собою владѣшь и управляшь умѣюшъ. По сему-шо, какъ сами блаженны, шакъ и другихъ блаженными шѣ содѣлываюшъ, копорые надѣ скопоподобными вождельнѣями и спремленѣями своими, аки надѣ многлюдешвомъ подлыя черни, знаюшъ наилучшимъ образомъ начальешвовашъ. Да по сей же причинѣ шакъ и всѣ умные и мудрые люди судяшъ, чшо доколѣ кшо не научишся самимъ собою владѣшь, дошолѣ и не должно присшупашъ ему ко управленію другими въ общешствѣ; пошому чшо шакой человекъ не шолько ни чего благоразумнаго и доспохвальнаго не учинишъ, но и самого себя и вѣренныхъ

его управленію погубишь. — Симъ самоуправленіемъ наиболѣе всего опличается человѣкъ отъ всякаго рода другихъ живыхъ, изъ коихъ ни единого не сыщешь, которое бы прошивоспоило своимъ вождедѣніямъ, но всѣ онѣ не воздержно слѣдуютъ спремленію природы свой. Ибо когда природа нудитъ ихъ на примѣръ ко пріятію пищи: тогда они сему ни мало не прошивополагаютъ голода; а во время соишія съ другимъ поломъ, не можно ихъ отъ сего опвлечь ниже самимъ приспавникамъ ихъ, а кольми паче не дѣйспвишпельна сама собою обуздашь ихъ собспвенная ихъ природа. Ни что не сильно воспяшишь сильной ихъ къ дѣпошворному смѣшенію похощливости. Причиною же сему единспвенно то, что природа ихъ непричасна будучи смысла и разума, не имѣетъ въ себѣ ничего, чемъ бы могла удержашъ спремленіе помянушаго пожеланія; и по тому-то онѣ всякимъ образомъ насынишь похощъ свою спараются. Но люди прошивъ шаковыхъ живошной природы побужденій не малые иногда выдерживаютъ подвиги: въ чемъ и каждой самого себя замѣчающей изъ собспвеннаго удощповѣрился опыша. Коль бо многіе насыщенію алчности желудка прошивопола-

гають добровольный голодъ, когда либо совѣту врачей въ семъ случаѣ повинуются, либо сами плохи своей такой успавъ опредѣляютъ, либо по другимъ причинамъ перебуютъ шѣлу своему врачеванія! А опъ любодѣйнаго сладострастія, которое во всѣхъ живопныхъ еспесиво наподобіе нѣкоего непреодолимаго и мучительскаго закона вложило, нѣкоторыя сполко оп-вращаются, что и самаго возрѣнія на женщину, по примѣру Кира не хотѣвшаго даже и взглянуть на прекрасную Паншею, всячески осперегаются.

Да такой же подвигъ можно примѣ-пить и прошиву гнѣвной спраспи, кошо-рая хоша обиженнаго на обидчиковъ сво-ихъ и вооружаетъ, и не рѣдко ему разитъ ихъ рукою или мечемъ совѣпуетъ: одна-кожъ часто, симъ образомъ развяренный, внушрь себя ощущаетъ нѣчто оуждаю-щее такую спремешелность и вмѣстѣ его увѣщавающее упишитъ свой гнѣвъ, удержатъ опъ мщенія, беречся уподо-биться разсерженному льву, или медвѣдю, или кабану, а лучше обратишь къ пра-вилу челоувчества здравому разсудку и благоприспойности. И сіе внушренное увѣщаніе иногда съ шоликою дѣйствуетъ

силою, что по угашеніи гнѣва, къ тому самого досадчика приводишь, что онъ хотѣвшему мстишь; послѣ оказываетъ опыты своей любви и дружбы. — Въ разсужденіи чего можно такое человѣческое разположеніе и состояніе уподобить обществу. Ибо какъ въ семь есть начальникъ и народъ имъ управляемый: такъ и здѣсь находишь разумъ и подчиненныя ему чувственныя вождельнія и шѣлесныя стремленія. Разумъ надъ симъ царствуетъ, а сіи онымъ руководствуются. Таковой же законъ отъ Бога положенъ всѣмъ хотящимъ добропорядочно и благополучно жить, дабы они въ дѣлахъ своихъ ни чего не предпринимали, развѣ, что согласно съ разумомъ. По чему нѣтъ ни единого, который бы собственнымъ опытомъ не ощущалъ въ себѣ того различія, что въ насъ иное есть разумъ, а иное природа шѣла и его движеній: разумъ какъ бы законополагаетъ и руководствуетъ, а оныя повинуются и слѣдуютъ ему убѣждающеюся, такъ что еслии шуда же и онъ стремятся, куда разумъ управляетъ: то онъ пользуется отъ него подобнымъ благосостояніемъ своимъ промысломъ, какой имѣемъ о лошакѣхъ или шѣхъ шяглыхъ скошакѣхъ, которые намъ въ путешесшвіи и

ношеніи бременъ спомоществующъ. Но есѣшли оныя разуму вопрошавшяся и должность его со своимъ званіемъ смѣшавшъ: то въ шакомъ случаѣ душа явственнѣе открываетъ свою власць и право надъ тѣломъ и его принадлежностями. Ибо она схвативши тѣло яко своевольнаго и бѣлаго раба, во первыхъ голодомъ, жаждою и другими досадами мучитъ; а по томъ, когда и чрезъ сіе наказаніе не опбучитъ его отъ безспыднаго упрямства: тогда взявши въ помощь тѣлвную спраситъ акы спборницу на враговъ своихъ, дѣлаетъ жестокимъ тѣлеснаго непопрества мучителемъ, дошолъ не щадя онаго, доколъ еще смѣшитъ оно разуму противоборствовать; такъ что иногда въ тѣлвѣ и опчаяніи со спремниемъ его бросаетъ, иногда удавку ему накладываетъ, иногда въ руки ножъ даетъ, убѣждая сдѣлаться самоубійцею. Что самое и есѣ яснымъ тоя истинны доказательствомъ, что человѣческая душа будучи снабдѣнна смысломъ и разумомъ, не только есѣ существо опмѣнное отъ тѣла, но при томъ и владычица его даже до того проспирающая власць свою надъ нимъ, что иногда и убиваетъ оное. Ибо есѣшли бы она другое иѣчто была, то и не казнила бы и въ горести тѣла и опчая-

янiя не убивала бы своего тѣла; по тому что буде бы нѣчто тѣлесное въ насъ господствовало: то оно тѣла на смерть, когда захочешся, не осуждало бы. Понеже ни какое существо самого себя погубить нехочешь, такъ что даже и силъ само прошиву себя неимѣешь, но вопреки всякая вещь всевозможно защищаешь себя спарашся, и прошиву всего покушающагося на испребленiе бышiя своего, непримиримую войну ведешь. — Почему еспли бы человекъ не болѣе былъ, какъ едино шокмо тѣло и чувшва: то всѣ бы люди однимъ шолько тѣлеснымъ пожеланiямъ слѣдовали, и каждой изъ нихъ единшвенно о томъ бы спарался, чтообъ единому тѣлу и чувшву было хорошо, а съ его вождѣленiями и прихотями ни малѣйшей бы ни когда войны не производило; да ниже бы мы и превышающихъ наши чувшва вещей когда либо пожелали, но всегда бы оныя презирали и пренебрегали.

Но можешь бышь нѣкоторымъ покажется, что я безъ нужды сполько о семъ разпросанилъ рѣчь мою. Ибо де всѣмъ явно, что человекъ имѣешь въ себѣ нѣчто лучшее тѣла и превосходнѣйшее тѣлесныхъ качешвъ, и сiе де не иное что еспь

какъ смыслъ и разумъ, которыми чело-
вѣкъ все разсуждаетъ, все разбираетъ,
все дѣйствуетъ и все къ извѣстной цѣли
и концу приспособляетъ. Однако де сего
разума и смысла причастно естество и
другихъ живыхъ; поелику де мы ви-
димъ, что и оныя исправляютъ дѣла свои
по извѣстному правилу, и каждому дѣянію
своему предполагаютъ извѣстный конецъ.
А сего де не могли бы они дѣлать, если
бы разумомъ не были къ тому руководи-
мы: инако бо всѣ дѣянія ихъ слѣдовало
бы отнести къ единому безумному случаю
или удачѣ, и такимъ образомъ во всѣхъ
дѣлахъ ихъ не было бы ничего опредѣлен-
наго и постояннаго, но все бы произхо-
дило въ нихъ такъ какъ на случай ни по-
пало. Со всѣмъ де тѣмъ всѣ видимыя
нами дѣянія ихъ противное тому свидѣ-
тельствуютъ, когда по большей части оди-
наковымъ образомъ то всегда бываетъ,
что живыя ни дѣйствуютъ. — Я на
се опираясь полагаю, что и произво-
димыя несмысленными живыми дѣя-
нія, производятся силою разума. Ибо не
только въ нихъ единыхъ, но и въ самыхъ
бездушныхъ вещахъ видѣть можно нѣко-
порый слѣдъ разума, когда и сіи извѣст-
нымъ порядкомъ и бытіе свое принимаютъ

и вѣчно дѣйствуютъ. Но полагая сіе, вмѣстѣ и по утверждаю, что оныя живошныя ошнудѣ не имѣютъ въ себѣ собшвеннаго къ произведенію чего либо извшворимыхъ или дѣлѣ смысла, и по оному сами себя, какъ бы имѣ ни разсудилось, не управляющѣ; а все оное дѣйствуютъ единѣ всего ешшесшва Содѣшель силою шого шокмо разума, кошорый въ немѣ самомѣ находишся и кошорымѣ побуждаешъ онѣ каждое живошное дѣйствоватьъ сходшвенно съ его концемѣ или цѣлюю; самыя же живошныя ошнудѣ не смысляшѣ причинѣ своихъ дѣяній и произшесшвій по подобію шой спрѣлы, кошорая будучи ошѣ спрѣльца въ извѣшное мѣсто направляема, со всѣмѣ шого незнаешѣ, куда ей лешѣть и въ какую цѣль попасть слѣдуетъ. Ни кто бо неможешѣ сказащѣ, что спрѣла имѣла нѣкошорое намѣреніе, или знаніе, или желаніе дойти до извѣшной цѣли. Такъ шочно и живошныя, хошя въ дѣяніяхъ своихъ и слѣдуютъ разуму, но причины производимыхъ ими дѣлѣ не вѣдаютъ, а движущія и направляющія къ онымѣ ошѣ единого вся вѣдущаго разума. И сего доказашелшво видимѣ въ шомѣ, что онѣ за то едино принимающія, что нужно имѣ къ сохраненію бышя своего; а

что далѣе сего просшираешся, до того онѣ ни мало не касающся. Ибо есшлы бы ихѣ пожеланія имѣли хошя немного разума и свободнаго произволенія; шо онѣ не по необходимости бы что либо дѣйшво-вали, но упошребляя силу разума, могли бы знашь и производишь шакѣ же и раз-нообразныя и между собою прошивныя дѣ-ла. Изѣ чего и слѣдуешѣ заключишь, что кромѣ человекѣ нѣшѣ ни единаго живош-наго, кошорое бы имѣло разумомѣ одарен-ную душу, а шолько единой человекѣской природѣ свойшвенно ешѣ сѣ преиму-щесшво.

И шакѣ человекѣ не просто ешѣ изѣ числа живущихѣ единымѣ чувшвомѣ, ни-же шоково его сосшоянїе, чтообѣ немогѣ онѣ выше чувшвѣ своихѣ возношсья; но хошя онѣ и чувшва, и всѣ ихѣ прина-длежности имѣешѣ общи сѣ прошчими живошными: однако, что собшвенно и паче всего человекомѣ его дѣлаешѣ и ошѣ другихѣ ошличаешѣ, шо ешѣ разумѣ и смыслѣ, кошорый аки нѣкїй начальникѣ и правишель сѣдя на вышнѣ, всѣ человекѣскїя дѣянїя и принадлежности кѣ себѣ и своему упошребленїю приспособляешѣ шакѣ какѣ хозяинѣ дому, кѣ коему всѣ

поспупки и движенія дѣшей и слугѣ опно-
сяпся. А по сему челоѱческая душа при-
няѱши опѱ вседѣшеля Бога разумную и смы-
слящую природу не можешѱ бышѱ шѱломѱ.
Инако бо немогла бы ома во первыхѱ са-
маго шѱла приводишѱ вѱ движеніе, ниже
весь сосшавѱ его проницашѱ; но находи-
лась бы наподобіе посудинѱ однѱхѱ вѱ
другія вложенныхѱ, и по шому не имѱа
способу и силы сквозѱ все шѱло проходишѱ,
многія бы часши его, а особливо наруж-
ныя по необходимости оспавила неоду-
шевленными; при шомѱ же, по разности
величины шѱлѱ, имѱла бы и сама разную
величину, шакѱ что по всей бы справед-
ливости можно было сказашѱ, что избѱ
двоихѱ Аяковѱ Теламоновѱ сынѱ большую,
а Локрскій Аяковѱ меншую носилѱ вѱ се-
бѱ душу. Такѱже, когда бы случилось
шѱлу бышѱ сѱкому: то и душа шому же
бы сѱченію подлежала; да и всѱ впечат-
лѱваемые вѱ ней виды и подобія всяко-
родныхѱ вещей, были бы шокмо частныя
единособности, шакѱ какѱ оныя на веще-
ствѱ и шѱлахѱ изображающя; а посему
душа ничего бы общаго и опвлеченнаго
не знала, но шолько имѱла бы шамо едино
чувствѱ, гдѱ нынѱ разумѱ находишѱся.
Ошкуду и видно, коль многія нелѱпости

заключаетъ въ себѣ оное мнѣніе, что душа наша есть шѣло.

Когда же таковое мнѣніе со всѣмъ безразсудно и ложно, а по по всему основательно и истинно, что душа есть существо безшѣлесное, обладающее шѣломъ и онымъ по волѣ своей управляющее: то кто скажетъ опважится, что она по примѣру шѣла подвержена смерти и шѣлнѣю? Ибо, что она господствуетъ надъ шѣломъ, и вошедши въ шѣло вовсе не погружается въ немъ, но проникая изъ онаго, какъ бы возвышается надъ нимъ; и что шѣло будучи отъ души отдѣлено, ничего дѣйствовать не можетъ, а сама душа будучи отвлечена отъ шѣла и происходящихъ отъ союза его пустошей, обращается къ преважнымъ, досшопочтеннымъ и единой себѣ сроднымъ умозрѣніямъ и дѣятельностямъ: то все сіе весьма ясно показываетъ, что существо души само собою существуетъ, помощи отъ шѣла къ сему существованію своему не требуетъ, а собственною силою всегда пребывать и дѣла свои шѣмъ совершенѣе и лучше производить можетъ; чѣмъ болѣе удаляется отъ шѣла и шѣлесныхъ предметовъ, и чѣмъ отвлеченнѣе отъ нихъ шѣщится сама

съ собою бышь и дѣйствовашь. Что все
 изъ того особливо явствуетъ, что когда
 душа еще и въ сей жизни отрѣшается се-
 бя отъ привязанности къ тѣлу и своихъ
 отъ немъ заботъ, а при томъ сколько воз-
 можно удаляется и отъ обманчивыхъ чув-
 ственнаго сего міра прелестей: тогда
 она явственнѣе зрѣтъ и самыя темныя
 причины сущихъ вещей, и всю истинну,
 какова она сама въ себѣ есть, собствен-
 нымъ познаетъ опытомъ. Но когда еще
 она въ совершеннѣйшей отъ здѣшняго
 тѣлеснаго союза свободѣ находится: то-
 гда яко безплотный духъ стремяся къ еди-
 нымъ шокмо невещественнымъ и безтѣ-
 леснымъ предметамъ, при самомъ, такъ
 сказать, входѣ во святилище ихъ, въ
 онаго уже вовсе почти оспиваетъ гру-
 бое сіе тѣло; по тому что вмѣстѣ съ
 нимъ яко омрачающимъ ее шьюю свой-
 ственнаго ему невѣжества, не возможно
 ей безпрепятственно понять и объятъ
 истинны, а по опложеніи отъ себя тѣла
 аки нѣкоего бремени, удобнѣе и легче ей
 вникать въ самое существо и истинну
 вещей. И въ шакое-то сословіе при-
 шедшаго человѣка, по всему достойно и
 праведно признавать человѣкомъ совер-
 шеннѣйшимъ, премудрѣйшимъ, изъ всѣхъ
 наилучшимъ и всѣ свойственныя добродѣ-

пели наименованія заслужившимъ. — Но ежели человекъ еще съ тѣломъ здѣсь мѣшается и всякое ученіе и любомудріе только тѣлеснымъ чувствомъ и чувственнымъ воображеніемъ поснизать и снискивать стараются: то въ такомъ случаѣ не можно его пристойнѣе уподобить, какъ тому царю, который сложивши съ себя вѣнецъ и порфиру, съ подлою толпою рабовъ общается и въ рабскія дѣла и службы низходитъ. А если еще будетъ онъ яко невольникъ плотскихъ забавъ служить роскоши и тѣлесными сквернами себя замараешь: то уже въ семъ состояніи нельзя справедливѣе его соравнить, какъ съ тѣмъ сумазбродомъ, который нарочно въ грязь или болото бросается, что бы тамъ оспрашивши милостивое и пригожее лице свое, принявъ на себя скаредный и гнусный образъ.

По сему, ежели душа оставляя тѣло получаетъ свое совершенство: то кто имѣя здравый разумъ можетъ допустить, что она есть смершна и вмѣстѣ съ тѣломъ погибаетъ, когда она еще и прежде своего смершнаго производимаго оспрѣшенія отъ тѣла, часто здѣсь отъ него къ самой себѣ обращается и съ нимъ

разсташься иногда спараешся, аки предчувствуя, что симъ средствомъ можно ей изъ самой себя приобрести несравненно вѣщую пользу и удовольствіе? — Кроме того, буде положишь, что жизнь души состоитъ въ тѣлѣ, а безъ него погибаетъ и исчезаетъ: то какъ сіе можешь производить, что душа все тѣлесное проходя, спремится шокмо къ безтѣлеснымъ предметамъ и во умозрѣніи ихъ съ великимъ успокоиваешся удовольствіемъ, что если кто отъ сего упражненія спанетъ ее отвлекаетъ, то она за сіе не меньше досадуетъ и огорчается, какъ и тошъ человекъ, котораго отъ собственныхъ, сродныхъ и ближайшихъ своихъ отпоргаютъ? Ибо, что душа мысленно соединяется съ негиблыми предметами, чувствуетъ въ себѣ радость и удовольствіе, а отвлекаема будучи отъ нихъ, скучаетъ и досадуетъ: то сіе свидѣтельствуетъ, что она имѣетъ тѣсное сродство и сходство съ безсмертнымъ естествомъ. А какъ все безсмертное не подлежитъ превращенію: то равнобрно и душа не подвержена тѣлѣнію и разрушенію. Да и какъ она будучи безтѣлесна, а по тому и отъ постороннихъ вещей недвижима (ибо таковое движеніе однѣмъ тѣламъ свойственно) можешь

принять разрушеніе, когда ни что въ свѣтѣ безъ помынушаго движенія вовсе не разрушается? — При томъ же душа не имѣетъ и ни какого противъ бышя своего соперника, котораго бы силою побѣждена бывши пала и уничтожилась. Ибо нѣтъ ни чего во всемъ естествомъ, что бы ея существованію противоборствовало. А если бы кто сказалъ, что душа отъ собственной своей злоси и развращенности, аки отъ ржавчины желѣзо, можетъ извѣстися и пропасть: то сіе умствованіе и самыя развращѣннѣйшія шѣмъ испровергають, что ови не менѣе живущи, какъ и добронравные люди, и что по сему не возможно душѣ отъ единой злоси уничтожиться, хотя въ прочемъ и мнѣтся, что отъ сея единыя существо души погибаетъ. — Сверхъ сего ежели оное мнѣніе вѣрно, что начало подобно и соотвѣтственно своему концу: то и отсюда слѣдуетъ заключать, что существо единою волею Божіею безъ посредства вещества приведенное въ бышіе, ни отъ чего не уничтожиться, развѣ отъ единыя стояже всемогущаго Творца воли. Но восхопѣть испортивъ и испребивъ то, что изрядно было содѣлано, ни мало не сродно благому Существо, какъ нѣкто изъ му-

дрыхъ (Плашонъ), разсуждая о семъ мірѣ, сказалъ. — На послѣдокъ нельзя пому спашься, что бы естешвенное и всѣмъ людямъ общее желаніе и спремленіе мыслей и воли ко всегдашнему бытію своего продолженію, напрасно и безъ всякаго намѣренія въ нашу природу вліянно было. Чему явнымъ доказательствомъ служивъ сіе, что ни кто такихъ вещей ни когда не пожелалъ и не взыскалъ, которыми бытъ не возможно. Кто бо на примѣрѣ изъ здравомыслящихъ людей когда либо возжелалъ имѣть у себя крылья, или на облака поднятись, или по волнамъ, аки по машерой землѣ ходити? По истиннѣ ни кто. Мы даже смѣемся и надъ тѣмъ, кто о себѣ сказываеши, что ему шакотыя нелѣпицы во снѣ пригрѣзились. Ибо естешво къ тѣмъ шолько предмѣтамъ вложило склонности и желанія, копорыя въ самомъ дѣлѣ сущешвовати могутъ. И для того, къ чему всѣ естешвеннымъ побужденіемъ спремашся; пому какъ возможно въ прошивность естешву и безъ всякаго основанія не имѣть бытія? ни какъ по истиннѣ сему бытъ нельзя. Но вошъ всѣ человѣки въ желаніи всегдашняго бытію своему продолженія согласны: слѣдовательно и надобно отсюду заклю-

чипь, что какъ сіе всегдашнее продолженіе будешь непремѣнно, такъ и пому спашься не возможно, чѣобы душа шоль шѣсно съ симъ вѣчнымъ бытія своего продолженіемъ волею своею сопряженная, лишилась когда нибудь сего шолико желаемаго себѣ блага.

Сего ради неразумныхъ людей естъ дѣло, безпокоишься шою опасностію, чѣобѣ душа съ шѣломъ не изчезла и вовся гдѣ либо сущесшвовашь непересшала. Понеже она при разрушеніи шѣла нешолько пребываеть невредима, но еще лучше и исправнѣе дѣлѣ своихъ опправлять инако не можешь, развѣ освободившись опѣ выше-реченныхъ препонъ своего шѣла. Ибо надлежащее умсшвованіе, разумнѣе и мысленное съ Божесшвенными и безшѣлесными предмѣтами соединеніе, (кошорое такъ свойственно есшесшву всякой души, какъ такое ея средошочіе, къ коему изъ всего, что здѣсь ни говоримъ, и что ни мыслимъ, самое шокмо наилучшее и превосходнѣйшее опношишь и принадлежишь,) вовсе не шерпимъ обыкновеннаго нашего съ шѣломъ сообщества, а ешь чистое дѣло единой души совершенно опѣ шѣла удаляющейсь къ самой себѣ и къ умозришельнымъ пред-

мѣтамъ. А хопя здѣсь душа и упошребляешъ иногда тѣлесныя чувства, и опшуду къ разумѣнію вещей нѣкоторыя приемлешъ случаи: однако сіе дѣлаешъ токмо при начинаніи дѣла, и доколѣ еще не обучена и изъ подвѣига чувствъ не освобождена, упошребляешъ сей способъ обученія, по подобію лишенныхъ зрѣнія, которыя оцупомъ вещи узнавашъ приучаются. Такъ бо и душа чрезъ рожденіе вошедши въ сію жизнь, и имѣя око свое густымъ тѣла мракомъ покровенно и глубокимъ сномъ ошягощенно, перебуешъ чувствъ, которыя бы ее аки спящую отъ сна пробуждали. Но сими чувствами съ начала токмо была она движима и возбуждаема; а послѣ уже во изысканіяхъ истинны помощи ихъ не упошребляешъ; да еще паче и наказываешъ тогда за грубость ихъ, когда они на шо ее нудяшъ чего имъ хочешся. Ибо какъ начинающимъ обучашся нужно только съ начала имѣшъ извѣстное чертъ изображение, а послѣ, какъ успѣюшъ они во своемъ ученіи, болѣе уже и смотрѣшъ на оное нехощяшъ: такъ и душъ съ тѣломъ еще связанной ни мало не спранно отъ чувствъ перебуашъ помощи къ познанію и свисканію любомудрія; но когда она отъ тѣла ошрѣшишся; тогда умственные пред-

мѣты сами собою ей предспавши, болѣе упопробленія сихъ грубыхъ чувствѣ уже непопробуютъ; поелику оныя предмѣшы оныѣ самаго естества своего весьма явспвенны и душевное око сами собою просвѣщающѣ шакѣ, что душа съ ними находяся, присущспвіемѣ ихъ насыщается и наслаждается аки свойспвенною себѣ единой пищею и сладостию, къ каковой есплибы кино восхошѣлъ примѣнитъ шѣлесныя забавы; шо по самой испиннѣ правильнѣ бы назвалъ оныя одними тѣнями и видами забавѣ, нежели самыми настоящими забавами. Ибо ихъ сущность сполько ничтожна, что онѣ какѣ скоро раждающся, шакѣ скоро и исчезающѣ; а самое ихъ вмѣщающее пріятелище не что иное еспѣ, какѣ диравое шѣла судно, которое со всѣхъ споронѣ печетѣ и ничего въ себѣ удержашѣ не можешѣ.

Такѣ для чегоже спаратъся ничтожное помѣщашѣ въ ничтожномѣ? не ужели чему либо изъ скоропреходящихъ можно швердо пребывать въ томѣ, что само бѣжитѣ и скоро исчезаешѣ? — Но что до души касаешся, шо прямую сладость и удовольспвіе въ ней производяшѣ шакія причины, которыя постоянно пребывающѣ и не что иное сущѣ, какѣ самая

чистая сущность, а вмѣщающее оныя пріятелище есть сущство всегда швердое и по примѣру самыхъ оныхъ причинъ ни когда не умирающее. Почему и можно не безъ основанія сказать, что изъ наслаждающихся каковымъ либо удовольствіемъ шѣ, которые за одними шѣлесными забавами гоняются, наиболѣе оными обманываются, и всегда чужды постояннаго удовольствія осмѣются; по шому что они за шѣмъ, чего удержатъ нельзя, бѣгають по примѣру гонящихся за шѣнію, когда и самое шѣло, для котораго приобрѣтеть оныя стараются, по еществу своему безнадежно есть, и шого, что ему дано, удержатъ не могутъ. Но что до шѣхъ надлежитъ, которые всему предпочитаютъ забавы души; то они безпрестанно ощущаютъ истинное въ себѣ удовольствіе и дѣйствительно чѣмъ либо изъ оныхъ таковымъ насыщаются, что всегда есть одинаково, постоянно и наипряшнѣйшую жизнь въ нихъ производитъ. Такъ-то все прочее, что послѣ и кромѣ шѣла бываетъ, для души наибольшую пользу, сладчайшую пріятность и, вообще сказать, нѣкую божескую и наилучшую участь въ себѣ заключаетъ! Чего ради и по мнѣнію первыхъ, которыми смерть по причинѣ

лишенія забавъ несносна, и по мнѣнію другихъ, копорымъ кажется, что по смерти уже ни чего болѣе у нихъ не оспанешся, ошнюдѣ не должно ужасаться еспешвенно приходящей къ нимъ смерти, паче же надлежитъ о медленномъ ея приходѣ шужить и удаляющуюся призывашъ; поелику нельзя инако сему бышъ, чшобѣ они или истинными забавами и удовольствіями наслаждались, или безопаснѣ существовали и надежнѣ жили, развѣ когда освободяшся ошѣ сей смершной, несмысленной и скошоподобной сложенія своего часши, кошорая ни когда швердо существовашъ здѣсь не можешъ.

И такъ да престанутъ уже на смерть жаловашъ какъ плачущіе о лишеніи шѣлесныхъ забавъ, такъ и нечающіе послѣ сего шѣла болѣе гдѣ либо существовашъ. Ибо ожидаешъ ихъ наилучшее благо, или паче всецѣлое шо, чемъ они, буде здраво мысляшъ, дѣйствительнѣ существующш и въ чемъ находишся Божественнаго образа нешѣбная и ни какой порчѣ не подлежащая красона, кошорая одна истинной мудрости и добродѣтели причасшна бышъ можешъ, и кошорой едино шо вредишъ, буде челѣвкѣ плоти работаешъ и ей одной на службу предаешся. На противѣ

сего освобожденіе оубъ нея естѣ возвращеніе къ жизни и къ шому, что истинно существовашѣ и наслажденіе Божественныя истинны доставляешѣ. А по сему возможно ли къ лучшему и совершеннѣйшему соспо-янію инако намѣ перейши, развѣ по удаленіи оубъ насѣ земнаго сего шѣла, кошорое душу обременяя, къ себѣ привлекаешѣ и воспаряшѣ ей къ пренебесному мѣсту не отпускаешѣ? Ибо и золоту сѣ каковымѣ либо другимѣ веществомѣ слишому, что можешѣ бышѣ лучше, или пріятнѣе (буде бы онѣ смыслило), какѣ оубѣдленну бышѣ оубъ подлѣйшихѣ себя инородныхѣ часпицѣ, кошорыя своимѣ примѣшеніемѣ препяш-сшвуютѣ ему оказывать, сколько въ немѣ самомѣ собсшвенной свѣплосши и красоты находишѣся? Всеконечно было бы безразсудно досадовашѣ на оное очищеніе, кошорымѣ очищаемое лучше усовершеншяетѣся и къ природѣ своей возвращается. Подобно и намѣ не должно на шо негодовашѣ, что смерть иѣчто изѣ нашего сложенія, или иѣчто изѣ вещей нынѣ сѣ нами сущихѣ ошнимаетѣ; ниже надлежишѣ думать, что мы оубъ сего вредѣ пріемлемѣ, когда явишѣся, что оное оубвѣшеніе ни мало намѣ не убышочно. Ибо когда мы въ смерти освобождаемѣся оубъ худ-

шаго и могущаго препятствовашь чистотѣ жизни нашей: то конечно смерть ни какого намъ вреда и ущербъ не принесетъ. Ни что бо иное намъ въ самомъ дѣлѣ не ужасно, кромѣ того, что наиболѣе тяжко и несносно духу, и самое благополучіе наше не что другое есть, какъ благосостояніе души. Ибо мы не что иное есмь, какъ душа и все то, что собственно къ ней принадлежитъ. И потому, когда душа наша, по выше доказанному, сама собою не можетъ испытать смерти: то ничто не мѣшаетъ и намъ быть и называться безсмертными. Что бо у насъ умираетъ, то есть маловажное и не то же есть самое, что мы, но только есть нечто наше, которое своимъ превращеніемъ не можетъ намъ самимъ суда смертнаго нанести, такъ какъ худоси платья ни кто не вѣднѣтъ шѣлу, ниже тогда, какъ одежда наша раздирается или изнашивается, можемъ помыслишь, что все сіе самому шѣлу нашему приключается. — Со всѣмъ тѣмъ, ежели кто либо по причинѣ разрушенія сей одной малости, почитаетъ будетъ человека смертнымъ: то не гораздо ли справедливѣе ради важнѣйшаго, превосходнѣйшаго, плѣніе и смерть превышающаго и всегда пребывающаго въ

немъ существа души называють его безсмертнымъ и ни малѣйшей гибели не подлежащимъ? Ибо наспоющій чистый человекъ есть одна разумная душа, въ которой единой находится смыслъ и сила разсудка, коими одними человекъ опъ всѣхъ прочихъ животныхъ и ошличается.

И такъ тѣ, которые говорятъ, что по шому ужасна смерть, что всецѣло насъ испребляешъ, или о шомъ да подумаютъ, что они тогда развѣ имѣшъ будущъ нѣкоторую причину бояшся смерти, когда достовѣрно покажутъ, что душа наша смертна и вмѣстѣ съ тѣломъ пропадаетъ: или, доколѣ и Богъ, и правомыслящій разумъ, и здравое любомудріе, и все ежедневно въ самой душѣ ощущаемое и примѣчаемое доказываетъ явспвенно, что существо души погибнуть не можетъ, да ободряшя благимъ упованіемъ безсмертія, и прошиву рока смерти да преспанутъ оторчашся и враждовать аки имѣющіе низвергнуться въ пропасть, изъ которой болѣе уже нѣшъ бытію нашему возвращенія.

Въ прочемъ, еспли бы и въ самомъ дѣлѣ приключалось человеку вовсе пропа-

дашь ошъ смерши: шо и вѣ такомѣ случаѣ не слѣдовало бы ни кому шревожисъся и смущашъся воспоминаніемѣ смерши; но паче надлежало бы разсуждашь, коликихѣ со спороны шѣла горесшей и досадѣ сія жизнь преисполнена, и колико легче и сносиѣе безчувственну бышь ко всему, нежели шоликую ошъ шѣла намѣ по вседневно воздвизаемую переносишь бурю, которую ни укрошишь, ни выдержашъ наша душа не можешь, когда шѣло по причинѣ шѣснаго своего сѣ нею сопряженія всегда сообщашъ ей свои спраданія и немощи. Ибо душѣ и сіе нужно переносишь, чшобѣ она и самому даже дѣшошворенію служила, и премного шакото принимаешь на себя по неволѣ, чшо принадлежишь къ пошребноспямѣ или и прихощамѣ шѣла; по тому чшо она здѣсь совершенно имѣ не обладаешъ. По сему - шо необходимо надобно намѣ неисчешные шруды принимаешь для ошраженія ни когда не прешающихѣ на насѣ восшавашъ шѣлесныхѣ шребованій, когда шо ешь мы оными понуждаемъся или голодѣ шѣла ушощашъ, или жажду его ушощашъ, или защищу прошивѣ холода ему доспавляшь, или для укрьшія ошъ жару, способныя убѣжища ему примышляшь. Умалчиваю уже о шѣхѣ спраншвованіяхѣ, ко-

порыя для приобрѣшенія шаковыхъ вещей по землѣ и морю совершаются. Не говорю шакъ же и о шѣхъ подлыхъ ласкашельсшвахъ и раболѣпсшвахъ, которыя часто за одну полушку самымъ негоднымъ людямъ приносятся. Чшо все кажешся иногда и удавки несноснѣе человѣку хотя не много себя понимающему, и при шомъ разсуждающему, съ коикой онъ вышшы истинны и добродѣтели, въ каковую пушношь и подлошь низпадаютъ принуждаешся? — Но чшо еще сказашь о мученіи многообразныхъ болѣзней, копорыми шѣло часто бываешь шакъ извѣдаемо, чшо едва одни измученные ошашются прежняго человѣка ошанки? — Въ семъ случаѣ бѣдныя часто не только не могутъ ошавшихся упошреблять членовъ, но даже и шѣхъ вспоможеній, которыя бы послужили имъ вмѣсто пропавшихъ часшей своего шѣла, не имѣюшъ; а при шомъ еще въ шакихъ горесшвыхъ обшоятельстввахъ и ни ошъ кого неслышашь себѣ ушѣшенія, когда всѣ не шерпя шекущаго извнизгною, смрадной гнилосши и происходящей ошшуду ошврашительной мерзосши, ошъ нихъ убѣгаюшъ. Чшо еще болѣе иногда ихъ мучишъ, нежели самыя болѣзни; шакъ чшо люшосшь страданія нерѣдко понуждаешь ихъ желашь себѣ или пешли, или

ножа, или паденія во спремнины. — Но пусть бы мы съ нѣкоторыми мудрецами еще и по допустили, что ошъ шѣла ни како́го не производилъ въ душѣ возмущенія (чему однакожъ ни какъ статься не возможно) по по крайней мѣрѣ кто бы насъ удовольствовашъ могъ надлежащимъ извѣсненіемъ онаго сильнаго волненія, которое въ юности и добромъ здоровьѣ, ошъ шѣла въ душѣ воздымаеяся? По истиннѣ люди тогда уже со всѣмъ не позволяющъ себѣ бытъ людьми, когда ошъ душевнаго смяшенія мыслей, аки ошъ нѣкотораго обуреванія, низвергающъ въ низкое естество скопковъ несмысленныхъ. Ибо работныя душѣ чувственыя впечатлѣнія, склонности и пожеланія, которыя должны бытъ послушны разуму, принявши случай ошъ довольнаго наипанія и сыности шѣла, поднимающъ противъ ума бунтъ и болѣе покаряшъ ему оприцающъ. Они преодолевши душу, всѣ ея благоразумныя и изящныя мысли и разсужденія наказываютъ опорочиваніемъ и распоченіемъ, а сами взявши надъ челоукомъ всю власшь, спремятъ съ нимъ на все, что бы ни спрѣшилося. — Въ такомъ будучи положеніи челоуковъ, всякую добродѣтель аки нѣкошорую слабость презираетъ, и шоль-

ко въ единомъ развращеніи и разпусствѣ поспавляешъ свою крѣпость и силу; а на послѣдокъ предавшись безпреспанному піанству, необузданности и всякому нечестию, не оставляешъ на себѣ ниже прежняго образа и подобія, кромѣ единого имени. — Такъ-то шѣло поражаетъ душу не меньше чрезъ чувственныя забавы, какъ и чрезъ болѣзненные мученія; да еще и гораздо болѣе оно вредитъ ей своею бездѣльною нѣгою и ослабою! Ибо и всадникъ больше тогда вреда прешерпѣваетъ, когда кони отъ изобильнаго корму и сытости своевольствуютъ и безпорядочно скачутъ, нежели, когда они отъ мѣрнаго голоду и безсилія полегоньку ступая продолжаютъ путь свой.

И шакъ всѣмъ доселѣ отъ насъ сказаннымъ, уже да удовольствуются шѣ, кошорые мнятъ, что людямъ по смерти ни чего не предоставлено, что все ихъ бышіе въ смерти изчезаетъ, и что де по сей причинѣ смерть изъ всѣхъ человѣческихъ приключеній есть наихудшее зло. Ибо къ надлежащему не вовсе безполковыхъ людей увѣривію, довольно кажется преждедеченныхъ на то доказательствѣ, что и кромѣ сей жизни еще предопредѣлено намъ индѣ жить и бышіе свое въ нерушимой

цѣлости продолжають силою обитавшаго въ насъ превосходнѣйшаго и наилучшаго всѣхъ нашихъ благъ существа души нашей. — Признаюсь, что я здѣсь опустилъ еще нѣсколько преважныхъ и пресильныхъ доказательствъ, которыми бы можно легко всякаго въ томъ убѣдишь, что доселѣ мною сказанное по всему согласно есть и съ святейшими самого Бога изреченіями, которыми послѣ сей жизни добродѣтельными людьми широкое удовольствіе и широкое наслажденіе обѣщано, что онаго ни какъ изразить человѣческими словами невозможно. Однакожъ какъ я въ настоящемъ разсужденіи не намѣренъ былъ ничего другаго представлять, кромѣ самыхъ простѣйшихъ и къ чувствамъ ближайшихъ истинъ: то по предложеніи оныхъ и неоспаешся мнѣ болѣе, какъ шокмо людямъ прешьяго сорту нѣчто шеперь оповѣщивовашъ и сію истинну обнаружилъ имъ, что и собственныя ихъ о ужасахъ смерти разсужденія шакже на безразсудности основаны.

Отдѣленіе шрепше.

Что касается до будущаго во адѣ мщенія за чинимыя здѣсь беззаконія; шакже же, что надлежитъ и до шамошнаго многообразными муками воздаянія за нынѣш-

ное плшоугодныхъ забавъ и роскошей безмѣрие: шо подлинно, мнѣніе о непремѣнномъ всего шого событіи, не шолько общимъ всѣхъ мудрыхъ признаніемъ согласно подшверждаешся; но и самую Божію правосудіа шочною съ нашими заслугами и ихъ возмездіемъ сообразимосшію швердо и основашельно доказывашся. При шомъ же сію Божію правосудіа непреложную правошу допускаюшъ всѣ, даже и самыя безшпыднѣйшіе нечешивцы; поелику они самымъ внушреннымъ совѣсши своея убѣжденіемъ принушдаюшся, при всемъ своемъ разврашѣ, сіи о Божіей правошѣ мысли удерживашъ въ душахъ своихъ неподвижно. Да и въ самомъ дѣлѣ не можно ни кому безъ шяжкихъ упрековъ совѣсши о шомъ и помыслишъ, чшобы во всеблагомъ и всешвершенномъ Богѣ недосшавало нѣкаго блага. Но правосудіе ешъ шакое благо, кошорое какъ всѣмъ вообще необходимо нужно, шакъ особливо начальшвшующимъ и владычешвшующимъ надъ другими, поелику безъ онаго все бы ихъ владѣніе исполнилось всякаго разшройшва и пороковъ. А Богъ паче всѣхъ владыкъ надъ всѣми владычешвшуетъ, и владычешство имѣетъ наивеличайшее и всешвершеннѣйшее. Онъ, какъ ни кого прежде и выше себя не имѣлъ; шакъ и никогда ни въ чемъ ша-

кой нужды и недоспашка не имѣеть, которыми бы иногда принужденъ былъ чего либо отъ другихъ себѣ претовашь. По чему, когда онъ единъ всѣмъ предсѣдательствуетъ и всѣ человѣческія дѣянія назираетъ: то непременно всегда съ собою имѣеть яко своего неразлучнаго сопредельника и сосѣдствующее ему правосудіе, по которому бы и награды добродѣтельнымъ и казни злымъ въ точное сходство содѣянныхъ ими всеконечно опредѣлены были: сіе бо есть дѣло правосудія. — И такъ ежели Богъ претовъ и всесовершенъ есть; то изъ сего по необходимости слѣдуетъ, что отъ Него добродѣтельнымъ людямъ вънцы, а порочнымъ муки предуготованы, которыми мукъ ежели они здѣсь избѣгаютъ; то непременно полагають надобно, что оныя предоставлены имъ на будущее по смерти время. Ибо нельзя пому спастись, что бы неизмѣняемое всесовершеннаго существа правосудіе не наблюдало и не уважало когда либо достоинства и цѣны заслугъ.

Но буде все сіе истинно есть: то и по сему не должно почищать самую смерть величайшимъ зломъ. Ибо ежели бы она слѣдующихъ по ней горесшей была виновница: то въ такомъ случаѣ по справед-

ливости бы всякъ ея ужасался яко шакой злодѣйки, ошѣ кошорыя на вѣки будешѣ несчастливѣ и злополученѣ. А когдаже по смерти одни шекушѣ къ вѣнцамѣ, а другіе къ мукамѣ понуждающа: шо для чего мы будемѣ сіе причинашѣ смерти самой, когда надлежало бы лучше порочишѣ жизнь за ожидаемья по достоинству ея испязанія? Ибо не просшо умирающимѣ, но шолько развращно здѣсь жившимѣ опредѣлены ошѣ правосудія помянушыя казни. Чего ради, ежели должно сихѣ казней опшвращашѣ: шо справедливѣе будешѣ свою ненависшѣ и опшвращеніе перенесши ошѣ смерти на шакую жизнь, кошорая всѣми оными злами изобилуешѣ, за кои шамо казняшѣ. А самая смерть опшнюдѣ въ семѣ не виновата: ибо она сама по себѣ ни малѣйшею не соспоишѣ причиною будущихѣ попомѣ ужасовѣ. — Естли же мы справедливо сіи ужасы причитаемѣ смерти: шо для чего бы сѣ шакою же справедливостию не вмѣнишѣ ей и почешей и наградѣ опредѣленныхѣ добродѣтельныхѣ? Ибо симѣ по смерти дадушѣ ошѣ правосудія шаковыя ушѣшенія. И шакъ по силѣ всѣхѣ сихѣ послѣдствій смерти не болѣе оную зломѣ, какѣ и добромѣ называшѣ слѣдуешѣ: паче же, буде шолько на истинну взирашѣ спанемѣ, удобно

усмотримъ , что смерть надлежитъ намъ поставлять на мѣстѣ добра. Ибо она жившихъ здѣсь добродѣтельно, къ наградамъ добродѣтели приводитъ, а для злыхъ и развратныхъ полагаетъ конецъ злости и развратности ихъ, которая благомыслящимъ людямъ несноснѣе кажется и всякаго наказанія.

Сего ради за ужасы будущихъ по смерти злоключеній не смерть должно винить, но самихъ насъ и шурабскую къ плошугоднымъ забавамъ приверженность, ко-порою мы развращая и вредя свои души, сами для себя дѣлаемъ грознымъ будущее оное судилище. И по тому ежли бы мы всевозможно сей развратности остерегались: то ни что бы не воспрепятствовало намъ почипать смерть нашею благодѣтельницаю; по елику она скорѣе пересылаетъ насъ ошюду къ воспріятію награды добродѣтельнымъ назначенныхъ. Чего ради оный страхъ ошнюды не отъ смерти, а весь шрепешъ и ужасъ отъ зазорной раждаешся совѣсти, какъ по обыкновенно приключаетъ и всѣмъ избличеннымъ въ шяжкихъ прешупленіяхъ. Ибо и они опредѣленнаго законами дня казни своей ужасающа, а видя его приближеніе, отъ страха мершвѣютъ: чего бы они въ себѣ конечно не испытали, ежли бы непоку-

сились на учиненныя ими злодѣянiя. Они будучи въ мучительномъ казни своей ожиданiи обыкновенно говоряшб: вошб уже пяшый, вошб чепвершый, шрешiй, вшпорый день до казни моей оспаешся, а слѣдующiй по семб день шомб еспь самый, кошораго я больше всѣхб дней боюся, ужасаюся и опвращаюся. Но какой ты о! несчастный преступникб! нашелб порокб во дни семб, чшо онымб шолико гнушаешся? Въ самомб семб дни вовсе нѣшб ни какой вины: ибо онб премногимб другимб подаешб причину кб величайшей радости, когда многiе въ сей самый день за одержанную побѣду приносяшб Богу жершву шоржешшвеннаго благодаренiя, многiе приемлюнб за свои подвиги славныя почести, и многiе за свою добродѣшель увѣнчаваются наилеспнѣйшими наградами. — Такб шочно и ты человѣче! предашiйся необузданному своевольшву спрасшей и рокоши, по шой же самой причинѣ боишся и опвращаешся смерши, по кошорой и оные преступники ужасаются ожидаемаго ими дня казни ихб. Однакожб имб избѣжашь ея уже не можно, когда они единожды на оную законнымб приговоромб осуждены будшб: а намб для сего предосшавлено истинное покаянiе и чшпосердечное кб цѣломудренной и воздержашь

пельной жизни разположеніе: ибо ежели мы сами прежнія дѣянія свои осудимъ и опровергнемъ, а при томъ и къ добродѣтели вседушно обратимся: то сіе и страшный оный приговоръ учинимъ для насъ бездѣйственными, и лучшую во всемъ надежду подадимъ намъ. По чему, ежели только послѣдствія смерти подлинно убѣждаютъ нѣкоторыхъ бояться ея: то исправленіе жизни боязнью сію да упоимъ и ушѣшимъ. А сіе ооспоимъ въ нашей власти и произволѣ; и только лишь надлежитъ сего рѣшительно восхотѣть: то и страхъ сей исчезнетъ, и удивительная намъшо прежняго смущенія возсіяетъ въ нашихъ душахъ тишина. Да и какая нужда много о семъ говорить, когда отдаленіе отъ себя угрожающихъ намъ по смерти бѣдствій только что не въ рукахъ своихъ имѣемъ?

Но если кто либо думаетъ, что добродѣтельная жизнь сопряжена съ досадными трудностями, и по тому обращеніе отъ плотоугодныхъ забавъ къ добродѣтели почиаетъ онъ дѣломъ не всякому человеку возможнымъ: то таковой симъ довольно открываетъ, что въ немъ причиною страха смерти есть нѣкоторое души расслабленіе и сластолюбивая изнѣженность. Ибо самъ онъ безъ сумнѣнія въ

шомъ признается, что шѣмъ конечно ни что не будешъ спрашно, копорые рѣши-тельно восхошяшъ надлежащее употребить къ извѣстному дѣлу прилѣжаніе. По чему спрахъ не онъ самаго дѣла почишаемаго спрашнымъ производшъ, но онъ глупости и нерадивости шѣхъ, копорые не хошяшъ, что бы ихъ кто либо въ семъ вразумилъ и поправилъ. Таковыя люди подобны тому задолжавшему бездѣльнику, копорый бы призываемъ будучи на судъ, вмѣсто того, чтообъ немедленно запла-тишь займодавцу должное, не хошѣлъ къ судѣ ускорить съ покорною прозбою, паче же дальностію бы пути онъ сего оприцался, а между шѣмъ оставаяся дома въ бездѣльной праздности, промашы-валъ бы заняшья у другаго деньги, и послѣ онъ за то бы винилъ какъ судью, шакъ и другихъ невинныхъ, что они пригово-рили его къ должному испязанію. Но о несмысленный! возвраши поскорѣе удерживаемое шобою неправедно, и тогда испышаешь самъ, что судьи не казнише-ли, но доброхошы швои. А ежели шяж-бы сей не прекрашишь уплатою должника, то всѣхъ ея слѣдствій, копорыя послѣ принужденъ будешь по всей справедливо-сти шерпѣшь, самого себя почишай виною. Такимъ образомъ и шеперь вмѣсто лю-

дей прешьяго рода, паки возвращающа кѣ намѣ перваго соршу люди, копорые ради чувспвенныхѣ забавѣ и ихѣ наслажденія, смерти ужасаются. Ибо находимѣ, что и они не иное виною спраха смерти посшавляющѣ, какѣ опшвятие помянушихѣ забавѣ: пошому что и они будучи кѣ нимѣ весьма крѣпко привязаны, почипающѣ все шо для себя несноснымѣ, что оспановляющѣ оное ихѣ сладострасшіе. Сіи люди шѣмѣ шолько первыхѣ превосходящѣ, что невоздержность свою нѣкошорымѣ видомѣ набожності и скромності прикрывающѣ. Однакожѣ не шрудно ихѣ вѣ семѣ изобличить, когда они собспвенными словами своими удобно запушывающа. Ешшли бо шибѣ бращецѣ! смерть спрашною дѣлающѣ увѣреніе о будущихѣ казняхѣ: шо для чего шы по малу опшпоргаяся опѣ плошпоугодныхѣ забавѣ, доселѣ неосвобождаетѣ душу свою опѣ шолико обременяющаго ее ига? Для чего однѣхѣ забавѣ на другія забавы не перемѣняешѣ, бѣдспвенныхѣ на безопасныя, малѣйшихѣ на превеликія и крашковременныхѣ на вѣчныя? Ибо онымѣ чувспвеннымѣ забавамѣ порабощаяся и самую жизнь сію исполненну скучныхѣ безпокойствѣ препровождаетѣ будешѣ: поелику всегда бояшся и шрешашѣ шанешѣ

грядущей казни, и опѣ самыхъ такъ почитаемыхъ побою забавъ не почувствуешь ни какого удовольствія, а послѣ въ будущей вѣчности самую вещь испытаешь, чего нынѣ съ пошкимъ ожидаешь ужасомъ. — Но еспли ты хопя не много образумишься и воздержательной конешся жизни: то безъ сумнѣнія и шеперь благоу будешь наслаждашься надеждоу, и во грядущемъ времени со удовольствіемъ проживешь, когда не шолько всѣ досады и безпокойства опѣ шебя удаляшся, но и всѣ добра во изобиліи къ шебѣ пришекушъ. — Однакожъ изъ всего довольно видно, что ты позабывши свою свободу предаешь самого себя въ неволю мгновенно улаждающимъ здѣсь пріятностямъ, и при томъ не оприцаешь и въ непрерывномъ жишь шрепешѣ, но желая собственнй свой порокъ и вину опѣ себя опдалишь, почишаешь смерть виновницею страха, въ кошоромъ долженшвовалъ бы ты самого себя обвиняшь, когда ушупаешь надъ собою побѣду шоль гнуснымъ своимъ прихотямъ.

Въ прочемъ ежели во все сіе вникнушь, то явишся, что двѣ причины находяшся, для чего сіи люди бояшся смерти. Ибо

сіе бываешѣ или ошѣ крайней грубости и невѣжества, по кошорому они не болѣе себя почиашѣ, какѣ единымѣ шокмо шѣломѣ, или ошѣ того предразсудка сіе производшѣ, что они хотя и допускашѣ, что въ нихѣ нѣчто есть еще и кромѣ шѣла; однакожѣ думашѣ, что сіе самое нѣчто, какѣ вмѣстѣ съ шѣломѣ пребываетѣ, такѣ съ нимѣ же вмѣстѣ и пропадаетѣ. И для сей - шо причины предавшіеся однимѣ плотскимѣ забавамѣ и сладострастною, при наступленіи смерти крайне смущающся, аки бы уже ни чего по смерти имѣ не могло оспашѣся, а при томѣ весьма сожалѣютѣ и крушатся обѣ оставленіи здѣшнихѣ своихѣ ушѣхѣ; поелику уже болѣе другой, сладчайшей и чистѣйшей пріятности кромѣ однихѣ плотскихѣ забавѣ нигдѣ сыскашѣ не чаюшѣ. И такѣ они не даромѣ плачутѣ приходя къ своей кончинѣ, когда въ ней на вѣки мнѣшѣ терѣшѣ все свое добро и единственную цѣль своихѣ желаній.

Однакожѣ изѣ помянутыхѣ двоихѣ причинѣ, едина ошѣ другой взаимно разждаетѣся. Ибо рабская къ плотскимѣ забавамѣ приверженность, душу съ шѣломѣ совершенно смѣшавши, не попускаетѣ душѣ

явственнo на самую себя зрѣть. Человѣкъ, безпрерывноу къ оному смѣшенію привычкоу связанный, чувствуетъ, что вся душа его со всѣмъ шѣломъ перемѣшана, шакъ какъ малая крупица золота съ великимъ количествомъ разнородныхъ подлѣйшихъ его металловъ. И по тому онъ за недоспашкомъ знанія, по примѣру неискускаго въ металлической наукѣ художника, неумѣя сего онъ онаго различитъ, на все то, что съ перваго взгляду видитъ, слышитъ и ощущаетъ, соглашается и того только называетъ человѣкомъ, который въ премногихъ можетъ употребить роскошъ и сладострасшіяхъ, почитая то едино крайнимъ своимъ удовольствіемъ, чтобы только ѣлъ, пилъ и любодѣйную похоть насыщалъ. И что Сардананалъ по свидѣтельству бышописателей приказалъ на гробницѣ своей написать, поже самое и оный человѣкъ на душѣ своей неизглажаемо пишетъ. А сего онъ бы съ нимъ не случилось, если бы онъ благоразумною мѣрностію обуздывалъ сладострасшныя шѣла своего прихоти, и почиталъ бы за прибыль а не за потерю, когда бы что либо у нихъ было убавлено. Ибо когда бы онъ такимъ образомъ по шепенно онъ влекая себя онъ шѣла, привыкалъ разсма-

приващъ самого себя: по не только не былъ бы не свѣдущъ о самомъ себѣ, но еще и Божественной истинны и безшѣлесныхъ предмѣшовъ содѣлался бы на конецъ умозрителемъ, а при томъ бы позналъ, что шѣло къ сему умозрѣнію ни мало не пользуется; и тако шущъ же бы нашелъ, что душа его отъ шѣла свободна и сама собою еще прежде смерти существовать можешъ, и что она шѣмъ сильнѣе, и шѣмъ изящнѣе и прекраснѣе, чѣмъ меньше съ шѣломъ сообщается. А къ такому соспоянію приобыкнувшій всеконечно и тогда бы мало спрадалъ, когда бы части его раздѣлялися; а уже отнюдъ не могъ бы онъ опасаться совершеннаго существу своему уничтоженія, когда бы собственнымъ испытаніемъ въ томъ удостоверенъ былъ, что душа его пребываетъ не прешанешъ.

Напрощивъ сего плошугодныя забавы смѣшивая шѣло съ душою, отъземлютъ у нея даже и чувствіе самой себя и наполняютъ ее грубости и невѣжества. А отъ сего невѣжества смѣшивается она съ реченными забавами и ихъ мерзостями, и никакихъ сему злу неполагаетъ границъ, когда въ невѣжество впадаетъ отъ помрачаю-

щихъ умѣ ея забавѣ, а онѣ самаго сего невѣжества низвергаются въ пропасть оныхъ же забавѣ. Да и не дивно. Ибо всякій человекъ желаніемъ своимъ всегда спремится къ нѣкопорому добру и все ради его и говоритъ и дѣлаетъ. Нѣтъ бо ни единого споль бѣднаго несчастливца, которъ бы себѣ и своимъ дѣланіемъ нарочно предполагалъ худой конецъ или вредную себѣ цѣль. По чему, когда человекъ собственнымъ своимъ знаніемъ и шщаніемъ самое ешество добра неложно понимаетъ и смышитъ, употребляя къ сему въ предводительствѣ свѣтлоразума: тогда онѣ и явственноразлично видитъ, куда ему итти, и безошибочно туда шествуетъ, и желаемаго достигаетъ, и мучится желаніемъ перешагаетъ, и самъ въ себѣ со удовольствіемъ и благимъ упованіемъ успокоивается, ни мало того не боится, чѣмъ не лишится ему своего шествованія и жизни, по тому чѣмъ онѣ съ самымъ жизнью, и шествованія своего началомъ и причиною сопряженъ неразрывно. — А когда онѣ же по нѣкопорой грубости и нерадивости своей, желаемаго добра точно не знаетъ, такъ какъ родителя своего дѣши, которые давно съ нимъ разлучившись, у варваровъ въ неволѣ на-

ходилися: шо хопя желаніе добра, яко
 врожденное еспешву его, и неразлучно
 съ нимъ пребываешъ; однако онъ между
 всѣми предверженными ему вещами ища
 шого, чшобы получивши, могъ имъ упо-
 лишъ помянутое свое желаніе добра, по нез-
 нанію онаго спремился къ однимъ шолько
 пусшымъ его видамъ и личинамъ; и шакимъ
 образомъ онъ истинны и швердаго свѣ-
 денія удалившия, попадаешъ на ложь и
 неосновашельныя мнѣнія, и гевоздержно
 прилбпляся къ шѣламъ и шѣлеснымъ дѣ-
 яніямъ и забавамъ, за одну шѣнь вмѣсто
 самой истинны безразсудно хвашается.
 Онъ чего и производишъ, чшо онъ за на-
 споящее добро едину чувшвенную сла-
 досшъ почитаешъ и любилъ, а вмѣсто
 истинны, кошорая онъ сущаго добра нераз-
 дѣльно существуешъ, увеселяется одною
 ложью и обманами; и шако по безумію
 своему съ нечисшыми забавами сладоспра-
 сшія въ союзъ вшпуаешъ, и во всю жизнь
 свою служишъ имъ обѣщаешся, предувѣ-
 ренъ будучи въ томъ, чшо онъ для него
 сущъ крайнее добро, хопя-шо онъ въ са-
 момъ дѣлѣ не чшо иное, какъ послѣднее
 бѣдсшвіе, гнусность и шьма, въ кошор-
 ыхъ, какъ гласилъ одно справедливое
 древнихъ изреченіе, досшойны лежатъ и
 валяшся одни шаинсшвъ непричасшныя.

Чего ради шоль бѣдшвеннаго положенія всебѣрно надлежитъ оспереташься всякому желающему жити истинно блаженнымъ, и всеусердно о шомъ спарашься, что бы сколько возможно быти добродѣтели и истинному любомудрію другомъ, а шблеснымъ грѣховнымъ прихощамъ и сладоспращію недругомъ, дабы иногда по невѣжесшву заблуждая, не искашь шамо истиннаго своего добра, гдѣ его нѣшъ, и думая, что оно уже обрѣшено, не предпочитайшь еще шого, что однѣмъ чувшвамъ пріятно и усладительно, а при всемъ шомъ крайне опасашься, что обвногда сладоспращіемъ заливая, а нерадѣніемъ ослѣпляя душевное око, не проведши жизни своей въ совершенномъ невѣденіи истинныхъ человѣческихъ благъ и удовольсшвій. — Еспли кто шакимъ образомъ себя разположитъ, и всѣ свои дѣла шакъ учредитъ, что обв они наилучшему всѣхъ правилъ жизни образцу (ш. е. истинному закону) были сошвѣшшвенны и согласны: шотъ найдешъ и познаешъ, что душа его шочно ешъ бессмертна, и по шому на конецъ не шолько смерти не убоишя, но еще обв ея замедленіи воздыхашъ, а отъ Бога проситъ ея будешъ, дабы шакъ могъ наслаждашъся пріятнѣйшею и радосшнѣйшею жизнью.

Classical Architecture

1850